175-5-1

ВОЕННЫЙ СБОРНИКЪ

ГОДЪ ПЯТНАДЦАТЫЙ

№ 11

НОЯБРЬ

1872

ной пекарнѣ въ печахъ Виктгорста паропроводныя трубы устроены не были, и никакой отъ того неудовлетворительности въ печеніи хлѣба комисія не замѣтила. Мы надѣемся, что послѣ этого объясненія каждому читателю будетъ понятно, что отсутствіе или присутствіе паропроводныхъ трубъ не указываетъ на достоинство или несовершенство системы печей и не можетъ имѣть никакого вліянія на печеніе хлѣба.

«Мы довольны хотя тѣмъ, что раздѣленіе операціи производства хлѣбопеченія на этажи, примѣненное въ красносельской пекарнѣ *двѣнадцать* лѣтъ тому назадъ и до сихъ поръ еще не введенное въ другихъ европейскихъ пекарняхъ, признается авторомъ статьи въ № 2 «Военнаго Сборника» необходимымъ».

Напрасно г. Конаржевскій приписываетъ себѣ честь изобрѣтенія способа раздѣленія операціи хлѣбопеченія въ пекарнѣ на этажи. Берлинская пекарня существуетъ болѣе ста лѣтъ и, съ самаго начала ея дѣйствія, производство хлѣбопеченія въ ней было раздѣлено на три этажа. Въ послѣдніе три года мы осмотрѣли много военныхъ и частныхъ пекаренъ въ Сѣверной Германіи и въ Австріи и не видали производства хлѣбопеченія безъ дѣленія на этажи.

Въ заключеніе мы должны сказать, что не имѣемъ никакихъ поводовъ ни хвалить печи Виктгорста, ни хулить печи г. Конаржевскаго. Въ настоящей статьѣ, мы, на основаніи шестимѣсячныхъ испытаній и офиціальнаго отчета комисіи, производившей опыты печенія хлѣба въ печахъ Виктгорста, изложили всѣ ихъ достоинства и указали всѣ ихъ недостатки. Мы вполнѣ раздѣляемъ мнѣніе комисіи, что не слѣдуетъ торопиться вводить печи Виктгорста, а необходимо испытать другія системы печей, какъ, напримѣръ, систему Артмана, которая, по полученнымъ свѣдѣніямъ, имѣетъ многія преимущества передъ системой Виктгорста (*). Но если бы было необходимо сдѣлать выборъ между печами г. Конаржевскаго и Виктгорста, то наше твердое убѣжденіе, что, руководясь одной пользой дѣла, слѣдуетъ для общихъ военныхъ пекаренъ выбрать печи Виктгорста.

Петръ Агапѣевъ 1-й.

9-го августа 1872 г.
г. Варшава.

(*) Особенно по массѣ выпекаемаго хлѣба и одновременнаго съ нимъ приготовленія сухарей, что имѣетъ важное значеніе для печей военныхъ пекаренъ.

ОЧЕРКИ СЕМИРѢЧЕНСКАГО КРАЯ.

(*Путевыя письма*).

I.

ОТЪ ТАШКЕНТА ДО ВѢРНАГО.

Отъѣздъ изъ Ташкента.—Путь изъ Чемкента.—Долина рѣкъ Арыса и Терса.—Вѣтры.—Жары.—Ущелье Куюкъ.—Голодная степь.—Рѣка Таласъ.—Городъ Ауліе-ата.—Дальнѣйшій характеръ дороги.—Александровскій хребетъ.—Въѣздъ въ Семирѣченскую Область.—Русскіе колонисты.—Переправа черезъ рѣку Чу.—Рѣка Чу.—Перевалъ черезъ хребетъ Курдай.—Выселокъ Любовный (Кескеленъ).

Путешествіе для меня, какъ и для многихъ, имѣетъ особенную прелесть. Посѣтить новыя мѣста, увидѣть иную природу, ознакомиться съ новыми людьми, жизнь и характеръ которыхъ рѣзко отличаются отъ жизни тѣхъ людей, среди которыхъ жилъ прежде, все это привлекаетъ неудержимо.

Достаточно ознакомившись съ характеромъ степной жизни отъ Оренбурга до Самарканда и Бухары, я желалъ посѣтить восточныя окраины Туркестанскаго округа, рѣзко отличныя отъ западныхъ. Здѣсь находятся, послѣ Гималаевъ, высочайшіе въ свѣтѣ хребты горъ (Сары-ясы, Кокъ-шаалъ въ Тіань-шанѣ), съ своими дикими, грандіозными перевалами, неимѣющими себѣ ничего подобнаго (Музартъ). Здѣсь же примыкаетъ къ нашимъ границамъ древнѣйшая въ мірѣ китайская цивилизаціи, вліяніе которой столь значительно отразилось въ Кульджинской провинціи. Все это сильно занимало мое воображеніе и увеличивало желаніе увидѣть собственными глазами интересныя страны.

Находясь въ такомъ настроеніи, я въ серединѣ мая оставилъ Ташкентъ. Такъ какъ въ это время года въ Ташкентѣ стоятъ уже

тяжелые, невыносимые жары, то я, исходя изъ предположенія, что градуса полтора широты не составятъ большой разницы относительно состоянія термометра, принялъ мѣры къ тому, чтобы легче избѣгать жаровъ, то есть взялъ побольше лѣтняго платья, тогда какъ зимнее захватилъ на всякій случай, для путешествія въ горахъ. Мои предположенія оказались ошибочными. Послѣ перевала черезъ невысокій хребетъ Казы-куртъ (верстахъ въ 80 отъ Ташкента) началъ преслѣдовать меня столь холодный сѣверо-восточный вѣтеръ, что я долженъ былъ тотчасъ облечься по-зимнему.

Почтовая ѣзда отъ Ташкента до Чемкента (114 верстъ) уже установилась вполнѣ, и напоминаетъ недавнее прошлое Европейской Россіи, когда путешественнику приходилось съ конца въ конецъ передвигаться, испытывая безчисленное множество мелкихъ и крупныхъ лишеній и неудобствъ.

Лѣтъ десять тому назадъ, путешествуя по Россіи, трудно было допустить мысль, что въ такое короткое время она покроется могучею сѣтью желѣзныхъ дорогъ. Быстрота сооруженій желѣзныхъ дорогъ въ Европейской Россіи позволяетъ теперь надѣяться и дѣлаетъ возможною вѣроятность столь же быстраго развитія желѣзнодорожнаго дѣла и въ Азіятской Россіи, несмотря на всю видимую къ тому трудность.

Чемкентъ составляетъ узелъ трехъ главныхъ дорогъ Туркестанскаго края. Отсюда исходитъ путь черезъ Казалинскъ на Оренбургъ; затѣмъ черезъ Вѣрный на Сибирь, и, наконецъ, черезъ Ташкентъ въ Самаркандъ. Путь въ городъ Вѣрный идетъ сперва на сѣверо-востокъ и пролегаетъ долинами рѣкъ Арыса и Терса. Сначала мѣстность имѣетъ характеръ сильно волнистый, вслѣдствіе чего надобно дѣлать частые подъемы и спуски, въ большинствѣ случаевъ не длинные, хотя и крутые. Впрочемъ, у станицы Машатъ правый берегъ оврага съ ручьемъ на днѣ чрезвычайно крутъ, имѣетъ длины до одной версты. Затѣмъ дорога перерѣзывается арыками (канавами), орошающими киргизскія пашни, здѣсь и тамъ попадающіяся вдоль дороги. Огромныя необозримыя степныя пространства, видимыя вокругъ и покрытыя густою сочною травою, весьма подручны для кочевниковъ, стада которыхъ находятъ здѣсь полное приволье. Въ водѣ также недостатка нѣтъ, такъ какъ горные хребты, виднѣющіеся вправо отъ дороги, даютъ начало ручьямъ и потокамъ, которые и служатъ для орошенія пашенъ и для питья.

Арыки и ручьи всюду переѣзжаемы вбродъ и серьезнаго пре-

пятствія для движенія не представляютъ. Ручьи даже въ періодъ полноводья (съ Петрова дня) сообщенія не прерываютъ.

Начиная съ третьей станціи, къ дорогѣ подходитъ справа невысокій хребетъ, который потомъ становится выше и выше. Съ лѣвой стороны дорогу также сопровождаютъ отроги Каратауссkаго хребта, чрезъ что долина рѣки Арыса съуживается. У станицы Чакъ-макъ она расширяется и дѣлается ровнѣе, хотя все таки встрѣчаются овраги, устланные галькою.

Съ самаго выѣзда моего изъ Чемкента бушевалъ холодный, противный вѣтеръ, неистово взрывавшій пыль и песокъ и залѣплявшій ими глаза. Я уже хотѣлъ остановиться на одной изъ станцій, чтобы переждать штормъ; но изъ распросовъ оказалось, что вѣтры во всей этой мѣстности явленіе нормальное, а тихая погода исключеніе. Дѣлать было нечего; я отправился далѣе, ухитряясь и приспособляясь, сколь возможно, чтобы видѣть мѣстность и въ то же время сберегать глаза.

Кромѣ вѣтровъ, другую характеристическую особенность всей страны вдоль Александровскаго хребта составляютъ рѣзкіе переходы отъ тепла къ холоду. Зимы здѣсь суровы и почти ежедневно завываютъ бураны (мятели), которые заносятъ станціонные домики почти до верху. Для указанія пути по всему тракту поставлены земляныя, а мѣстами изъ сложенныхъ камней, тумбы, около одной сажени высотою. Лѣтомъ, въ тихій, безвѣтряный день жары бываютъ страшные и, если ихъ не смѣнитъ въ теченіе дня сразу поднявшійся холодный вѣтеръ, то, съ наступленіемъ вечера, термометръ опускается чрезвычайно быстро.

Проѣхавъ долиною рѣки Терса, также населенною киргизами, какъ и долина рѣки Арыса, верстахъ въ четырехъ отъ станицы Куюкъ приходится переѣзжать черезъ ущелье того же имени, тянущееся зигзагами вплоть до самой станціи. Дорога здѣсь мѣстами пролегаетъ по карнизамъ надъ обрывами, но, несмотря на то, ущелье легко доступно: привычныя лошади и ямщики знаютъ свое дѣло. Зимою ущелье надобно часто расчищать, такъ какъ оно сильно заносится снѣгомъ. По дну ущелья протекаетъ ручей того же имени. Горы, образующія ущелье, каменисты и обнажены.

Отъ ущелья начинается мѣстность гладкая, ровная, каменистая, безводная, лишенная всякой растительности, хотя путь идетъ по южной окраинѣ голодной, безпріютной степи. Единственные обитатели этой печальной мѣстности суть черепахи, змѣи и разныя ядовитыя насѣкомыя. Ничто не разнообразитъ дикой пустыни; только

высокій хребетъ (Александровскій), тянущійся справа, вноситъ нѣкоторое оживленіе для блуждающаго взора.

Такой характеръ мѣстность сохраняетъ на протяженіи около ста верстъ, до станціи Мендыбай, за исключеніемъ, впрочемъ, одного населеннаго участка, Ауліе-ата, лежащаго на рѣкѣ Таласѣ. Эта довольно многоводная рѣка, вытекая изъ горъ по общему направленію съ юго-востока на сѣверо-западъ, разноситъ съ собою и узенькую полоску жизни, давая пропитаніе пріютившемуся на ней люду. Несмотря на свое относительное многоводіе, Таласъ всегда переѣзжаемъ вбродъ.

Ауліе-ата небольшой городъ, населенный сартами, не имѣетъ никакихъ памятниковъ прошлаго. Единственная древность здѣсь—невзрачная могила, сложенная изъ жженаго кирпича. Могила находится среди обширнаго кладбища за городомъ и содержитъ въ себѣ останки святого, по имени Кара-хана, одного изъ потомковъ знаменитаго мусульманскаго пастыря Ходжи-Ахметъ-Яссави, покоющагося въ Туркестанѣ. Кара-хана извѣстенъ въ народѣ больше подъ именемъ «святого отца»—ауліе-ата, откуда и названіе города.

Населеніе по пятницамъ и въ другіе праздничные дни приходитъ на могилу своего патрона для принесенія ему усердныхъ молитвъ.

Окрестность ауліе-ата, какъ и весь уѣздъ, славится производствомъ хлѣба, который въ значительномъ количествѣ отпускается не только во всѣ части Сыръ-дарьинской Области, но даже и за границу, въ Коканъ.

Русская слободка въ Ауліе-ата состоитъ изъ нѣсколькихъ домиковъ, принадлежащихъ служащимъ лицамъ. Домики эти, выстроенные изъ сырцоваго кирпича, выглядываютъ какъ-то особенно уныло. Единственное украшеніе русской слободки составляетъ маленькая, хорошенькая церковь, окруженная зеленью молодыхъ деревъ.

Во время учрежденія Туркестанскаго округа было предположеніе сдѣлать Ауліе-ата административнымъ центромъ края; но болѣе внимательное разсмотрѣніе дѣла побудило избрать такимъ центромъ городъ Ташкентъ.

Ауліе-ата былъ взятъ штурмомъ 4-го іюня 1864 года полковникомъ (нынѣ генералъ-маіоръ) Черняевымъ. Атака была поведена на южную часть городской стѣны четырьмя ротами, которыя мигомъ ворвались въ городъ, послѣ чего цитадель уже не защищалась и ауліе-атинскій бекъ поспѣшилъ искать спасенія въ бѣгствѣ.

Отъ станціи Мендыбай опять начинается прежній характеръ мѣстности. Частые луга съ горными ручьями, протекающими по каменистому дну, долины, образуемыя предгоріями снѣгового хребта, часто подходящаго близко къ дорогѣ, все это чередуется съ надоѣдающею однообразностію. Кромѣ этого, путника сопровождаютъ еще киргизскія кладбища, примыкающія къ самой дорогѣ и состоящія, по большей части, изъ простыхъ могилъ въ видѣ глиняныхъ кучъ; встрѣчаются изрѣдка и надгробные памятники довольно сносной конструкціи, со сводами.

Единственно, что хоть сколько-нибудь разнообразитъ мѣстность—это громадный снѣговой хребетъ, гордо возносящійся своими вершинами къ облакамъ; но и онъ много теряетъ вслѣдствіе того, что обнаженъ отъ всякой растительности. Лѣсъ есть лучшее украшеніе всякаго пейзажа; но здѣсь-то именно не только лѣсу, даже ни одного кустика не видно. Правда, въ глубинѣ ущелій горъ растутъ кое-какія породы деревьевъ, но они со стороны совершенно незамѣтны.

Несмотря на свою видимую безжизненность и обнаженность, горы эти (какъ и всѣ почти въ Средней Азіи) въ теченіе лѣта населяются кочевниками, которые, по мѣрѣ того какъ выгораетъ трава на равнинахъ, поднимаются все выше и выше по хребту, находя въ его продольныхъ и поперечныхъ долинахъ свѣжую траву. Затѣмъ зимою, когда снѣгъ и мятели заваливаютъ горныя долины, киргизы тѣмъ же порядкомъ спускаются къ подошвамъ и на равнины и располагаются на зимовки, гдѣ скотъ ихъ ищетъ скудное пропитаніе изъ-подъ снѣга. Предоставляю воображенію читателей судить, каковъ долженъ быть жизненный обиходъ киргизовъ зимою. Люди зябнутъ и жмутся отъ холода, просиживая часто по нѣсколько сутокъ въ своихъ переносныхъ жилищахъ, доверху заносимыхъ снѣгомъ. Для согрѣванія бреннаго тѣла, въ юрту вводятся животныя, по преимуществу бараны, между которыми ложатся люди. Животныя, здѣсь замѣняютъ наши печки. Скотъ отъ недостатка пищи худѣетъ и падаетъ. Только съ весною киргизы оживаютъ и поправляются.

Со станціи Кара-балты начинается Семирѣченская Область, гдѣ почтовая ѣзда становится нѣсколько лучше, вслѣдствіе того, что содержаніе станцій отдано русскимъ, умѣющимъ правильнѣе взяться за дѣло, чѣмъ туземцы, въ большинствѣ случаевъ занимающіеся почтовою гоньбою въ Сыръ-Дарьинской Области. Тутъ даже появились верстовые столбы.

По пріѣздѣ на слѣдующую станцію, Акъ-су, еще болѣе переносишься въ Европейскую Россію. Передъ взоромъ путешественника, какъ бы по манію волшебства, открывается малороссійскій поселокъ

(дворовъ 50), со всѣми атрибутами украинской жизни. Хаты привѣтливо глядятъ своими окнами, плетеные заборы, садики вокругъ хатъ, огороды, домашняя птица—все это ублажаетъ зрѣніе и наполняетъ душу отраднымъ чувствомъ. Вотъ она Русь куда забралась и гдѣ пріютились наши передовые переселенцы!...

Наибольшій контингентъ переселенцевъ въ Семирѣченскую Область даетъ Воронежская губернія. Съ каждымъ годомъ идутъ сюда новыя и новыя подкрѣпленія, такъ что скоро, пожалуй, не хватитъ имъ мѣста и здѣсь; тогда придется заселять ими Сыръ-Дарьинскую Область.

Участь переселенцевъ здѣсь, кажется, довольно обезпечена. Аксуйскій (Бѣловодскій) выселокъ считаетъ только второй годъ своего существованія, а люди уже успѣли достаточно обжиться. Они всѣмъ довольны и только жалуются на недостатокъ воды, необходимой для орошенія полей. Такъ какъ вода необходима и киргизамъ, а послѣдніе занимаютъ верхнія части ручьевъ, слѣдовательно, такъ сказать, господствуютъ надъ водою, то нашимъ поселенцамъ приходится вести нескончаемые споры изъ-за воды. Понятно, что властямъ доводится быть умиротворителями.

Въ большей части Средней Азіи хлѣбъ родится только при помощи орошенія. Орошенная земля даетъ богатый урожай, не орошенная скудный, въ Семирѣченской Области даже ничего не даетъ; поэтому борьба изъ за воды есть борьба изъ-за хлѣба. Изъ-за воды ведутъ вѣчную борьбу государства, города, села, а въ селахъ отдѣльные жители. Всякій, кто къ водѣ ближе, и притомъ сидитъ въ болѣе верхнихъ частяхъ рѣки и главнаго арыка, тотъ пользуется большими преимуществами и можетъ эксплуатировать того, кто сидитъ ниже и дальше отъ воды. Между ханствами споры рѣшаются оружіемъ; между отдѣльными городами ханства правителями, а между отдѣльными членами города или деревни особыми спеціяльными чиновниками, *арыкъ-аксакалами*, наблюдающими за правильнымъ и безобиднымъ распредѣленіемъ воды между обывателями.

Нашимъ переселенцамъ, незнакомымъ съ системою орошенія земли, на первыхъ порахъ особенно трудно вести свое хозяйство; но нѣтъ сомнѣнія, что, со временемъ, они приспособятся къ новому роду жизни.

Выселками усѣяна вся дорога вплоть до Вѣрнаго; они расположены у станцій, оживляя почтовую дорогу.

Отъ станціи Пишпекъ, расположенной у бывшаго ничтожнаго коканскаго укрѣпленія, взятаго штурмомъ нашими войсками въ 1860

году, дорога шла черезъ Кастекское ущелье; но такъ какъ это ущелье слишкомъ затрудняло движеніе, то съ прошлаго года проложена новая дорога, въ обходъ, черезъ рѣку Чу, гдѣ сооруженъ хорошій деревянный мостъ. До Токмака и теперь еще существуетъ трактъ; но онъ вскорѣ будетъ брошенъ съ перенесеніемъ управленія Токмакскаго уѣзда въ Пишпекъ. Такое перенесеніе уѣзднаго административнаго центра обусловливается невыгодами его теперешняго расположенія среди болотъ, порождающихъ въ населеніи сильную болѣзненность и смертность.

Переправа черезъ Чу производится въ 22-хъ верстахъ отъ Пишпека, у Константиновской станціи. Здѣсь рѣка уже принимаетъ степной характеръ, хотя и течетъ еще чрезвычайно быстро. Берега ея невысоки, глинисты, вслѣдствіе чего чрезвычайно размываются, такъ что вода всегда мутна.

Въ рѣкѣ водится много рыбы разныхъ породъ, а на берегахъ, поросшихъ густымъ камышомъ, обитаютъ дикіе кабаны и тигры.

Чу беретъ начало изъ Небесныхъ Горъ подъ именемъ Качкара и съ быстротою мчится на сѣверо-востокъ къ озеру Иссыкъ-куль, мимо котораго проходитъ верстахъ въ шести, отдѣляя рукавъ Кутемалды, сообщающійся съ озеромъ. Послѣ выхода изъ Буамскаго ущелья, долина Чу расширяется болѣе и болѣе и рѣка становится степною. Въ весеннее время, Чу сильно разливается; по спадѣ водъ, во многихъ мѣстахъ образовываются броды. Острововъ на рѣкѣ множество, и, кромѣ того, она, мѣстами, сплошь заростаетъ камышомъ, образующимъ такъ называемыя *крыги*.

Переправившись черезъ Чу, вскорѣ вступаешь въ предгорья невысокаго хребта, пересѣкающаго дорогу и носящаго мѣстное названіе Курдай. Хребетъ этотъ имѣетъ въ мѣстѣ перевала до 6,000 футовъ высоты и верстъ 40 ширины. Склоны хребта неравны, а именно: западный пологій, имѣетъ до 30 верстъ длины, тогда какъ восточный гораздо круче, и дорога по этой покатости пролегаетъ зигзагами и идетъ почти все время по карнизу. Въ горахъ почти всегда свирѣпствуютъ вѣтры, а зимою разгуливаютъ жестокіе снѣжные бураны. Нужно брать много предосторожностей при слѣдованіи черезъ этотъ хребетъ зимою; иначе можно придти къ пагубнымъ послѣдствіямъ, что и случалось.

За перевалами чрезъ хребетъ путь становится совершенно ровнымъ; впрочемъ, верстахъ въ пятнадцати отъ станціи Таргатъ, дорога снова начинаетъ пересѣкаться арыками, оврагами, холмистыми

грядами, въ долинахъ которыхъ ростетъ хорошая трава и находятъ себѣ пристанище киргизы.

На станціи Узунъ-агачъ (длинное дерево), на высокомъ холмѣ, усматривается памятникъ, сооруженный въ честь побѣды, одержанной здѣсь въ 1860 году генераломъ Колпаковскимъ надъ многочисленными скопищами коканцевъ. При станціи есть малороссійскій поселокъ съ прекрасно обработанными окрестностями.

Выселокъ Любовный (Кескеленъ) — послѣдняя станція передъ Вѣрнымъ. Этотъ выселокъ состоитъ изъ казаковъ, переведенныхъ изъ Сибири и вошедшихъ въ составъ Семирѣченскаго войска. Поселокъ производитъ необыкновенно пріятное впечатлѣніе. Передъ глазами внезапно возникаетъ чисто-русская деревня, съ хорошенькою церковью по серединѣ. Домики, выстроенные изъ дерева, чистенькіе, опрятные, какъ игрушки, радостно смотрятъ своими большими окнами; тесовыя крыши блестятъ при яркомъ солнечномъ освѣщеніи. Улицы, широкія и прямыя, обсажены молодыми деревьями. Возлѣ домиковъ зачастую встрѣчается садикъ.

Изъ Любовнаго выселка до Вѣрнаго дорога сохраняетъ прежній характеръ. Наконецъ, перебравшись по небольшому деревянному мосту черезъ горную рѣчку Алматинку, путникъ въѣзжаетъ въ городъ Вѣрный.

II

ГОРОДЪ ВѢРНЫЙ

Мѣстоположеніе города.—Рѣка Алматинка.—Алатавскія горы.—Растительность въ горахъ.—Мѣры, предпринятыя мѣстными властями для сохраненія лѣса.—Раздѣленіе города. — Статистическія данныя о городѣ.—Число зданій. — Количество населенія.—Занятія жителей.—Земледѣліе, пчеловодство, скотоводство, фабричная и заводская промышленость.—Торговля.—Просвѣщеніе. — Нравственность.

По занятіи нами Заилійскаго края въ 1853 году, съ цѣлію упроченія русской власти надъ Большою Ордою, въ слѣдующемъ, 1854, году, было заложено укрѣпленіе Вѣрное, на томъ мѣстѣ, гдѣ въ средніе вѣка былъ городъ Алматы, т. е. Яблонный, извѣстный по своей торговлѣ и служившій станціею на большой дорогѣ, по которой, между прочимъ, ходили генуэзскіе купцы въ Китай.

Укрѣпленіе Вѣрное сперва было центромъ управленія Алатавскаго округа, подчинявшагося военному губернатору Семипалатинской Области, но, съ учрежденіемъ Туркестанскаго военнаго округа, укрѣпленіе было сдѣлано областнымъ городомъ Семирѣченной Области, и стало называться городомъ Вѣрнымъ, хотя офиціяльно такое на-

званіе еще ему не присвоено. Кромѣ того, туземцы и многіе русскіе называютъ Вѣрный, по старинному, Алматами.

Вѣрный лежитъ на ровной, песчано-глинистой мѣстности, у самой подошвы Заилійскаго Алатау, на рѣчкѣ Алматинкѣ.

Алматинка беретъ начало въ необыкновенно живописной мѣстности, въ горахъ, и течетъ весьма быстро, съ шумомъ и пѣной, по дну, сплошь устланному крупными камнями. По выходѣ изъ горъ, рѣка, хотя и течетъ по ровной мѣстности, по сохраняетъ прежнюю быстроту и свойство дна.

Алматинка имѣетъ ширины не болѣе трехъ аршинъ, глубины около четверти аршина, и во всякое время переходима въ бродъ. При всемъ томъ, количество воды въ рѣчкѣ уменьшается съ каждымъ годомъ.

На уменьшеніе воды въ Алматинкѣ имѣетъ вліяніе, во-первыхъ, то обстоятельство, что рѣчка тотчасъ по выходѣ изъ горъ разводится по арыкамъ или каналамъ для орошенія полей, садовъ и огородовъ, а, во-вторыхъ, вслѣдствіе истребленія лѣсовъ въ верховьяхъ рѣки, о чемъ еще будетъ сказано ниже. Алматинка впадаетъ въ другую горную рѣчку Кескеленъ, которая, въ свою очередь, вливается въ рѣку Или. Рѣка Алматинка получила свое названіе, вѣроятно, отъ того, что истоки ея, въ горахъ, густо поросли яблонями и урюкомъ (абрикосами).

Вѣрный лежитъ на высотѣ 2,500 футовъ надъ уровнемъ моря и пользуется теплымъ и здоровымъ климатомъ. Лѣтніе жары доходятъ въ тѣни до 30°, а зимніе холода до 20°. По замѣчанію обывателей, вѣрненскій климатъ суровѣетъ съ каждымъ годомъ. Прежде зимніе холода были сноснѣе, да и снѣгъ держался лишь по нѣскольку дней; въ послѣдніе же годы зимы стали устанавливаться русскія, мѣсяца на три. Нѣтъ сомнѣнія, что и тутъ истребленіе лѣсовъ въ окрестностяхъ города приноситъ извѣстную долю вреднаго вліянія.

Лѣтніе жары едва выносимы; но вечера и ночи всегда прохладны, вслѣдствіе близкаго присутствія вершинъ Алатау, покрытыхъ вѣчнымъ снѣгомъ.

Быстрое измѣненіе температуры въ теченіе дня порождаетъ перемежающіяся лихорадки, которыя и составляютъ господствующую болѣзнь въ Вѣрномъ. Къ лихорадкамъ лѣтомъ присоединяются поносы, происходящіе отъ неумѣреннаго употребленія зрѣлыхъ и умѣреннаго незрѣлыхъ фруктовъ.

Несоблюденіе условій для сохраненія въ чистотѣ воздуха и воды также отчасти вредно дѣйствуетъ на здоровье жителей. Всякій соръ

и нечистота остаются открытыми либо на дворахъ и улицахъ, либо сбрасывается въ воду, чрезъ что воздухъ и вода отравляются. Особенно усердно содѣйствуютъ въ этомъ калмыки, извѣстные своею необыкновенною нечистоплотностью, поселенные какъ въ городѣ, такъ и окрестностяхъ, вверхъ по Алматинкѣ.

Господствующіе вѣтры: сѣверо-западный, съ озера Балхаша, и восточный, дующій весною. Первый гонитъ песокъ, поднятый съ сухой и песчаной степи Бедъ-пакъ-дала, и гонитъ дождевыя тучи.

Яблоки созрѣваютъ въ Вѣрномъ въ началѣ августа, урюкъ (абрикосы) во второй половинѣ іюня, а рожь и пшеница въ іюлѣ.

Средняя температура Вѣрнаго, опредѣленная въ 1861 году г. Голубевымъ, равняется +5,6 Р.

Городъ Марсель, находящійся почти подъ одною широтою съ Вѣрнымъ, имѣетъ среднюю годовую температуру +11°,3′ Р, вслѣдствіе чего тамъ созрѣваютъ оливки, персики и померанцы, которые въ Вѣрномъ не растутъ.

Виноградъ, впрочемъ, разводится здѣсь съ успѣхомъ.

Окрестности Вѣрнаго, за исключеніемъ горъ, равнинны и печально-однообразны.

За то Алатавскій хребетъ, замыкающій вѣрненскій горизонтъ съ юго-запада, необыкновенно живописенъ. Хребетъ имѣетъ до 14,000 футовъ высоты, такъ что вершины его постоянно покрыты снѣгомъ. Во времена недавняго прошлаго, не только покатости горъ, но даже и предгорья были покрыты густымъ лѣсомъ; теперь же на предгорьяхъ растетъ одна трава, яркая, изумрудная зелень которой сливается съ темною зеленью еловаго лѣса, растущаго уже на самыхъ горахъ; все это увѣнчивается бѣлоснѣжной короной, вырѣзывающейся на яркомъ, голубоватомъ небѣ. Въ горахъ часто идутъ дожди, и тогда горы, какъ пеленою, заволакиваются темными тучами, которыя, по мѣрѣ того какъ подымаются къ верху, становятся бѣлыми, принимаютъ всевозможныя прихотливыя очертанія и, уменьшаясь постепенно, исчезаютъ въ пространствѣ.

Необыкновенно красивое зрѣлище представляютъ предгорья въ весеннее время (въ апрѣлѣ), когда кочевники пускаютъ по нимъ *палъ*, т. е. зажигаютъ старую траву для того, чтобы дать возможность лучше вырости новой. Полнеба занимается заревомъ пожара, переливы котораго наполняютъ волнами свѣта всю окрестность. Но какъ ни красивы Алатавскія горы со стороны, картины въ самыхъ горахъ еще роскошнѣе, еще поразительнѣе. Могучая растительность долинъ и ущелій, потоки, клокочущіе съ пѣной въ обрывистыхъ берегахъ,

тропинки и дорожки, змѣей вьющіяся надъ пропастями, все это производитъ неотразимое впечатлѣніе. Съ каждымъ шагомъ впередъ, картины мѣняются какъ въ калейдоскопѣ и являются все болѣе поразительными, все болѣе эфектными.

Въ Алатавскихъ горахъ растетъ въ наибольшемъ изобиліи ель; затѣмъ, въ гораздо меньшемъ количествѣ, произрастаютъ: яблоки, урюкъ, джида, ясень, арча (верескъ) и даже береза. Я сказалъ уже, что алатавскій лѣсъ значительно истребленъ. Чтобы парализовать, по возможности, такое истребленіе, мѣстныя власти предприняли нѣкоторыя мѣры, а именно: воспретили постройку деревянныхъ зданій въ городѣ; годный лѣсъ взятъ въ казну и вырубка его стѣснена многими формальностями: всякій желающій рубить лѣсъ долженъ представить смѣту, сколько нужно ему дерева, какого размѣра и для какого предпріятія, и обязанъ заплатить попенную плату, которая невелика (отъ 60 до 15 копѣекъ серебромъ за дерево, смотря по размѣру).

Однако задуманная цѣль не достигается вполнѣ: молодыя деревья продолжаютъ вырубаться по прежнему, а старыя остаются. Слѣдовательно, было бы цѣлесообразнѣе, не взимая платы и не требуя никакихъ формальностей, просто воспретить вырубку молодыхъ деревьевъ (указавъ размѣры, меньше которыхъ деревья должны оставаться неприкосновенными), и дозволивъ эксплоатировать деревья взрослыя. Тогда лѣсная экономія пошла бы своимъ чередомъ, и новыя поколѣнія деревьевъ исподволь замѣняли бы собою старыя.

Городъ Вѣрный состоитъ изъ слѣдующихъ частей: Алматинской станицы (старая часть города), Алматинскаго выселка, Татарской слободки, и изъ Новаго, или собственно города, только-что возникающаго. Послѣдній состоитъ изъ каменныхъ, или, вѣрнѣе, кирпичныхъ зданій, тогда какъ старыя части города выстроены исключительно изъ еловаго лѣса.

Какъ старый, такъ и новый городъ распланированы правильно. Улицы прямыя, ровныя и широкія, въ большинствѣ случаевъ усаженныя (хотя довольно жидко) деревьями. При домахъ зачастую разведены садики.

Деревянные дома Вѣрнаго, имѣющіе видъ русскихъ избъ съ деревянными крышами, почти всѣ холодны, вслѣдствіе того, что, вопервыхъ, они законопачиваются не мхомъ (*), а сѣномъ, которое частію выгниваетъ, частію растаскивается птицами, почему въ стѣнахъ

(*) Въ Россіи для этой цѣли употребляется, какъ извѣстно, особый видъ мха, называемый *кукушкинымъ льномъ*.

постоянно образовываются щели, и, во-вторыхъ, деревянные полы и потолки, ссыхаясь, даютъ трещины и щели, которыя также пропускаютъ холодъ. Кромѣ того, жители не знаютъ употребленія двойныхъ рамъ на зиму (*).

Количество зданій въ Вѣрномъ слѣдующее (**):

Наименованіе зданій.	Каменныхъ.	Деревянныхъ.
Церквей (***)	1	1
Мечетей	—	1
Домовъ	234	972
Нежилыхъ зданій . . .	4	9
Лавокъ	—	226
Ларей и балагановъ . .	—	164
Харчевень и пельменницъ (****)	—	21
Мельницъ	—	62
Всего построекъ. .	239	1,456

Всѣ эти свѣдѣнія относятся къ 1871 году.

Въ 1863 году было:

	Каменныхъ.	Деревянныхъ.
Церквей	—	1
Домовъ.	1	678
Магазиновъ и лавокъ . .	—	55
Мельницъ.	—	32
Итого. .	1	766

Слѣдовательно, въ восьмилѣтній періодъ времени число зданій въ Вѣрномъ больше чѣмъ удвоилось.

Въ такой же пропорціи увеличивалось и число жителей.

Городъ Вѣрный замѣчателенъ разнообразіемъ своихъ обитателей. Какихъ только народностей и племенъ вы не встрѣтите на его улицахъ! Большинство населенія составляетъ казачье сословіе — коренные поселенцы; затѣмъ слѣдуютъ малороссіяне, пришедшіе недавно и пріютившіеся временно на территоріи новаго города. Къ числу переселенцевъ слѣдуетъ отнести незначительное количество чувашъ, мордвы, черемисовъ и другихъ племенъ съ Поволжья.

Кромѣ того, Вѣрный населяютъ: татары, живущіе въ отдѣльной слободкѣ; сарты — пришельцы изъ другихъ городовъ Туркестанскаго округа (Ауліе-ата, Чемкента, Ташкента), изъ коканскихъ и кашгарскихъ владѣній; киргизы, принимающіе полуосѣдлый бытъ; калмыки, пришедшіе изъ Кульджи послѣ китайскаго погрома въ 1864 году; они, большею частію, приняли христіанство. Въ Вѣрномъ употребляются, преимущественно, какъ чернорабочая сила, китайцы, приходящіе сюда изъ Небесной Имперіи по торговымъ дѣламъ. Наконецъ, евреи тоже живутъ торговлею.

(*) Къ неудобству деревянныхъ строеній слѣдуетъ отнести также и возможность пожаровъ. Въ 1851 г. въ Вѣрномъ было семь пожарныхъ случаевъ, съ убыткомъ на сумму въ 3,462 р. 70 к.

(**) Всѣ цифровыя свѣдѣнія получены при обязательномъ содѣйствіи начальника Вѣрненскаго уѣзда полковника Ждонъ-Пушкина.

(***) Строится соборъ, уже подведенный подъ фундаментъ.

(****) Въ числѣ этихъ зданій есть часть изъ сырца и часть изъ битой глины.

Вотъ перечень вѣрненскаго населенія по племенамъ и сословіямъ:

Въ 1871 году состояло.	Муж. пола.	Женск. пола.	Всего.
Дворянъ потомственныхъ.	109	46	155
Дворянъ личныхъ.	71	52	123
Почетныхъ гражданъ	8	5	13
Духовенства бѣлаго	8	12	20
Купцовъ.	174	107	281
Мѣщанъ.	1,176	1,306	2,482
Крестьянъ	174	101	275
Колонистовъ	5	3	8
Военнаго сословія	2,512	250	2,762
Казачьяго	2,048	1,839	3,887
Отставныхъ и безсрочно-отпускныхъ солдатъ	583	180	763
Сартовъ.	459	106	565
Китайцевъ	9	3	12
Киргизовъ	271	132	403
Калмыковъ крещеныхъ	91	52	143
Калмыковъ некрещеныхъ.	107	81	188
Лицъ, непринадлежащихъ вышеозначеннымъ сословіямъ	187	93	180
Проживающихъ по паспортамъ	191	83	277
Итого. . .	8,186	4,457	12,637

Изъ этой таблицы усматривается: 1) значительное превосходство русскаго населенія надъ инороднымъ и 2) значительный перевѣсъ мужескаго пола надъ женскимъ. На 100 мужчинъ здѣсь приходится 54 женщины.

Въ 1863 году было: 4,322 мужчинъ, 1,842 женщины, всего 6,164; на 100 мужчинъ 43 женщины.

И такъ, хотя въ восьмилѣтній періодъ населеніе и удвоилось,

но численное отношеніе между мужчинами и женщинами измѣнилось гораздо въ меньшей пропорціи.

Количество различныхъ вѣроисповѣданій распредѣляется слѣдующимъ образомъ:

Наименованіе вѣроисповѣданій.	Мужчинъ.	Женщинъ.	Всего.
Римско-католическаго . . .	131	1	132
Протестантскаго.	22	2	24
Магометанскаго	550	152	702
Буддійскаго	136	87	223
Еврейскаго	14	—	14
Раскольниковъ	15	13	28

Затѣмъ все остальное населеніе православнаго вѣроисповѣданія.

Главнѣйшее занятіе жителей составляетъ земледѣліе. Роды воздѣлываемыхъ злаковъ суть: рожь яровая и озимая, пшеница, овесъ, ячмень, просо и греча. Кромѣ того, въ значительномъ количествѣ засѣвается картофель.

Въ 1871 году было:

	Посѣяно четвертей.	Снято четвертей.
Ржи озимой	498	1,754
Ржи яровой	249	2,922
Пшеницы яровой	1,937	19,022
Овса.	3,079	33,831
Ячменя.	420	1,881
Гречи	23	191
Картофеля	223	1,239

Хлѣбъ служитъ для собственнаго употребленія и не вывозится за границу. Впрочемъ, часть его сбывается киргизамъ, а часть идетъ на винокуренный и пивоваренный заводы.

Огородничествомъ жители занимаются весьма охотно. Въ числѣ воздѣлываемыхъ овощей достоинъ быть упомянутымъ особый видъ сладкихъ дынь изъ кульджинскихъ сѣмянъ.

Нельзя не сказать еще объ одной отрасли вѣрненской производительности, представляющей исключительную рѣдкость во всей Средней Азіи, именно о пчеловодствѣ. Пчеловодство началось здѣсь съ 1857 года; въ 1859 году было 254 улья; въ 1871 году имѣлось 75 пасѣкъ и до 1,456 ульевъ. При этомъ надо замѣтить, что 1869 и 1870 годы были неблагопріятны для пчеловодства вслѣдствіе засухъ, отъ которыхъ цвѣтъ на травѣ и деревьяхъ посохъ и пчелы остались безъ пищи.

Послѣ земледѣлія главнѣйшая отрасль народной производительности есть скотоводство.

Въ 1871 году въ Вѣрномъ было слѣдующее количество скота:

Лошадей. . . .	3,611	штукъ.
Рогатаго скота . .	2,266	»
Овецъ.	729	»
Свиней	449	»
Козъ.	126	»
Верблюдовъ . . .	88	»
Итого. .	7,369	штукъ.

Въ 1862 году было скота только 4,460 штукъ.

Изъ крупной заводской производительности могутъ быть упомянуты винокуренное, водочное, кожевенное и кирпичное производства. Остальныя находятся въ кустарномъ видѣ.

Въ 1871 году было заводовъ:

Наименованіе заводовъ.	Число.	Количество производства.		Сумма производства.	Число рабочихъ.
Винокуренный	1	45,000	ведеръ	171,000	145
Пивоваренный.	1	1,755	»	1,540	5
Кожевенныхъ	3	236,59	штукъ	82,774	57
Кирпичныхъ	11	520,000	»	7,800	52
Водочный	1	1,688	»	7,524	6
Итого. . . .	17	»		270,638	265

Торговля Вѣрнаго, благодаря выгодному положенію города въ средоточіи путей изъ Кульджи въ Ташкентъ и въ Коканское ханство и изъ Кашгара въ Семипалатинскъ, развивается замѣтнымъ образомъ. Прежде караваны проходили черезъ Вѣрный не останавливаясь; въ послѣднее же десятилѣтіе они стали разгружаться для попутной распродажи. Кромѣ того, много купцовъ изъ Ташкента и сосѣднихъ владѣній (коканскихъ, кашгарскихъ и изъ Кульджи) нарочно приходятъ сюда для продолжительной торговли.

Въ окрестностяхъ Вѣрнаго производится ежегодно значительная закупка скота у киргизовъ не только для Ташкента и Кульджи, но и для Петровска, до котораго слишкомъ тысяча двѣсти верстъ.

Въ настоящее время, въ Вѣрномъ два базара: большой и малый, а все число лавокъ (въ 1871 году) простиралось до 390, тогда какъ въ 1863 году ихъ было около 50, а въ 1859 около 20.

Вѣрненская торговля развивается по мѣрѣ того, какъ упрочивается

спокойствіе на границахъ и утверждаются дружескія отношенія съ сосѣдями.

Теперь наша граница совершенно безопасна только со стороны Кокана и Кульджи, занятой нашими войсками. Отношенія же къ Кашгару и къ другимъ провинціямъ, принадлежавшимъ прежде Китаю, не дозволяютъ вести свободной и безпрепятственной торговли. Нѣтъ сомнѣнія, что болѣе благопріятныя политическія отношенія со стороны Кашгара и дунганскихъ провинцій повліяютъ выгодно и на развитіе вѣрненской торговли (*).

Проведеніе телеграфа также окажетъ благотворное содѣйствіе развитію всѣхъ отраслей производительности. Телеграфные столбы пожертвованы всѣмъ земствомъ Семирѣченской Области (въ томъ числѣ и киргизами) и уже разставлены до самаго Вѣрнаго. Есть надежда, что въ нынѣшнемъ году проволоку успѣютъ протянуть отъ Семипалатинска не только до Вѣрнаго, но и дальше по дорогѣ въ Ташкентъ, до границъ Сыръ-Дарьинской Области, а въ будущемъ году телеграфная проволока, вѣроятно, протянется и до Ташкента.

Грамотность въ Вѣрномъ также дѣлаетъ нѣкоторые успѣхи. Здѣсь слѣдующія школы:

1) Приходская школа въ Алматинской станицѣ. Въ ней обучается 175 мальчиковъ и 39 дѣвочекъ.

2) Приходская школа въ Алматинскомъ выселкѣ, гдѣ обучается 45 мальчиковъ.

3) Мусульманская школа въ Татарской слободкѣ, съ 70 учениками, которые обучаются муллою.

4) Ремесленная школа съ 21 ученикомъ, обучающимися, кромѣ грамоты, еще различнымъ ремесламъ.

5) Школа садоводства съ 21 ученикомъ, которые обучаются опытнымъ садоводомъ изъ Крыма. Эта послѣдняя школа выстроена въ прекрасномъ городскомъ саду, гдѣ ученики усвоенное по теоріи

(*) Вотъ цѣны на нѣкоторые предметы на вѣрненскомъ рынкѣ:

Муки ржаной куль (девять пудовъ вѣсу) стоитъ 4 руб. 25 коп.; муки пшеничной куль такого же вѣсу 4 руб. 64 коп.; за перемолъ ржи или пшеницы берется $2^2/_3$ коп.; рису пудъ стоитъ 2 руб. $47^1/_2$ коп.; овса четверть (5 пудовъ 20 фунтовъ вѣсу) 2 руб. 84 коп.; сѣна пудъ $18^1/_2$ коп.; говядины 2 руб. $13^1/_2$ коп.; баранины пудъ 1 руб. 73 коп.; масла коровьяго пудъ 12 руб. $24^1/_2$ коп.; рыбы свѣжей пудъ 2 руб. 3 коп ; соли пудъ 70 коп.; свѣчей стеариновыхъ пудъ 17 руб. 56 коп.; свѣчей сальныхъ пудъ 5 руб. 84 коп.; дровъ однополѣнныхъ сажень 4 руб. $13^1/_2$ коп.; вина ведро 6 руб. $55^1/_2$ коп.; спирту ведро 13 руб. 11 коп.; меду пудъ 10 руб. 20 коп.; желѣза полосоваго пудъ 4 руб. 70 коп.

Плата рабочему въ день: пѣшему 35 коп.; съ лошадью 1 руб. 10 коп.; съ парою воловъ 1 руб. 75 коп.

(въ теченіе зимы) примѣняютъ на практикѣ (въ теченіе лѣта). Ученики набираются изъ всѣхъ станицъ Семирѣченской Области, и по окончаніи курса приносятъ въ свои деревни правильныя понятія въ лѣсоводствѣ, садоводствѣ и огородничествѣ.

Въ приходскія и въ ремесленную школу поступаютъ дѣти не только казачьяго сословія, но и привилегированнаго, хотя число послѣднихъ и не велико.

Въ населеніи Вѣрнаго большой охоты къ чтенію не замѣчается. Городской библіотеки и до сихъ поръ еще не заведено. Публика удовлетворяется кое-какими книгами, выписываемыми при управленіяхъ и штабахъ батальоновъ.

Въ вѣрненской областной почтовой конторѣ въ 1872 году получается 46 названій различныхъ періодическихъ изданій, въ количествѣ 178 экземпляровъ; но это количество не все остается въ Вѣрномъ, а часть экземпляровъ идетъ въ тѣ пункты Области, куда еще не устроенъ почтовый трактъ.

Больше всего выписывается военныхъ изданій («Русскаго Инвалида» 14 экземпляровъ и «Военнаго Сборника» 12); затѣмъ слѣдуютъ: «Сіяніе» 14 экземпляровъ и «Дѣло» 9; далѣе идутъ изданія относящіяся до модъ («Модный Свѣтъ» 8 экземпляровъ, «Новый Русскій Базаръ» 7 и «Ваза» 6 экземпляровъ); «Отечественныя Записки» и «Иллюстрація» получаются въ количествѣ 7-ми экземпяровъ, «Вѣстникъ Европы», «Сенатскія Вѣдомости», «Досугъ и Дѣло» и «Сынъ Отечества» въ количествѣ 6-ти экземпляровъ, «Сборникъ Романовъ» и «Биржевыя Вѣдомости» въ количествѣ 5-ти экземпляровъ. Остальныя изданія выписываются въ меньшемъ числѣ экземпляровъ.

Относительно нравственности, къ сожалѣнію, ничего нельзя сказать утѣшительнаго. Пьянство сильно развито и едва ли уменьшается. Здѣсь пьютъ не только мужчины и женщины, но и дѣти обоихъ половъ. Пьянство и другія причины порождаютъ въ здѣшнемъ населеніи и самоубійства, случающіяся довольно часто.

Нравственнѣе прочаго населенія здѣсь малоросы, отличающіеся честностью, трудолюбіемъ и кротостью характера; но случаи самоубійства встрѣчаются и между ними. Они пришли сюда недавно, и надо полагать, что совершенно чуждая имъ среда и обстановка развиваютъ въ нихъ тоску по родинѣ, которая иногда и разрѣшается самоубійствомъ.

Мѣры принимаемыя къ уменьшенію пьянства въ населеніи, по всей вѣроятности, будутъ содѣйствовать и къ поднятію его нравственнаго уровня.

III.

ОТЪ ВѢРНАГО ДО КУЛЬДЖИ.

При-илійская степь.—Выселокъ Илійскій.—Рѣка Или.—Чингильдинскій родникъ.—Хребетъ Чулакъ-тау.—Перевалъ Алтынъ-Имельскій.—Равнина Тугурекъ.—Ущелье Койбынъ.—Выселокъ Борохудзиръ.—Путь отъ Борохудзира до Кульджи.—Крѣпости Чинъ-чахо-дзи и Суйдунъ.—Дорога въ Кульджу.

Изъ Вѣрнаго въ Кульджу дорога идетъ сперва по тракту на Сергіополь вплоть до Алтынъ-Имельскаго пикета, откуда уже сворачиваетъ на востокъ. По выѣздѣ изъ Вѣрнаго, взору путника представляется широкая, раздольная степь, своимъ видомъ напоминающая нашу новоросійскую степь. Частыя балки и здѣсь, точно такъ же какъ и въ Новоросіи, перерѣзываютъ дорогу. Но по мѣрѣ того какъ дорога удаляется отъ Алатавскаго хребта, подвигаясь болѣе и болѣе къ сѣверу, балки съ горными ручьями на днѣ становятся рѣже. Дорога проходитъ вблизи змѣящейся рѣчки Алматинки, которая доставляетъ орошеніе кочевому люду, обитающему по ея теченію.

Почва степи песчано-глинистая, мѣстами солонцоватая и весьма плодородная. Густая трава, покрывающая степь, время отъ-времени перемежается пашнями кочевниковъ, зачастую прилегающими къ самой дорогѣ.

Верстахъ въ 70-ти отъ Вѣрнаго, у выселка Илійскаго, надобно переправляться черезъ широкую и многоводную рѣку Или.

Лѣтъ двадцать тому назадъ, когда Или была еще нашею пограничною рѣкою, здѣсь было сооружено маленькое укрѣпленіе съ двоякою цѣлью: для обезпеченія нашей границы и для сбора таможенныхъ пошлинъ съ каравановъ. И теперь еще надъ станціоннымъ домикомъ (гдѣ прежде жилъ сборщикъ пошлинъ) сохранилась вышка, на которой хаживалъ часовой, зорко наблюдавшій за тѣмъ, чтобы изворотливые купцы не переправлялись гдѣ-нибудь выше или ниже. Съ отнесеніемъ нашей границы далеко на югъ и съ уничтоженіемъ таможеннаго сбора, значеніе укрѣпленія исчезло, вслѣдствіе чего оно и упразднилось. Теперь на этомъ мѣстѣ осталось только десятка два домиковъ поселенцевъ изъ казачьяго сословія. Такъ какъ грунтъ вокругъ выселка песчано-каменистый и безплодный, то жителямъ нѣтъ возможности заниматься хлѣбопашествомъ и огородничествомъ. Средствомъ къ существованію служитъ рыболовство въ рѣкѣ Или. Пойманную рыбу жители выселка обмѣниваютъ въ Вѣрномъ на хлѣбъ и другіе необходимые продукты. Вотъ причина, почему обитатели выселка бѣдны. Когда на Или разовьется пароходство, то, конечно, благосостояніе ихъ подымется.

Рѣка Или въ мѣстѣ переправы имѣетъ до 100 саженъ ширины. Правый берегъ ея крутъ и высокъ. Глубина у этого берега около двухъ саженъ, а у лѣваго около полусажени. Во время разлива рѣки, съ конца іюня до начала августа, уровень воды сильно подымается. Берега илисты, и потому вода въ рѣкѣ мутна и не вкусна. Рѣка вообще многоводна и пароходство по ней возможно. Въ настоящее время, кульджинскіе сарты стали спускать по Или на плотахъ лѣсъ и каменный уголь. Одинъ вліятельный купецъ въ Вѣрномъ приступилъ даже къ постройкѣ парохода, который, по всей вѣроятности, вскорѣ и будетъ спущенъ. Теперь переправа черезъ рѣку производится на трехъ небольшихъ паромахъ.

За рѣкой Или мѣстность становится волнистою и песчаною. Дорога идетъ сперва по берегу, потомъ отклоняется къ сѣверу.

На первомъ пикетѣ отъ переправы (станція Чингильды) находится весьма интересный родникъ. Чистая и свѣтлая вода его обнаруживаетъ серебристую поверхность дна, которое кажется отстоящимъ отъ поверхности воды не болѣе какъ на четверть аршина. Множество маленькихъ рыбокъ, касаясь гладкаго дна, оставляютъ на немъ бороздки. Вы погружаете руку въ надеждѣ достать серебристаго песку, и дно, какъ призракъ, изчезаетъ подъ вашей рукой. Берете длинную палку, опускаете ее въ воду и она уходитъ вся безъ сопротивленія. Мнѣ говорили на станціи, будто въ этотъ заколдованный родникъ опускали тяжесть саженъ на двѣнадцать глубины и твердаго дна все-таки не доставали. Свѣтлое песчаное дно оказывается толстымъ илистымъ грунтомъ, надъ которымъ только въ видѣ тонкаго слоя сочится вода. Во избѣжаніе несчастныхъ случаевъ, надъ родникомъ устроенъ павильонъ. Вода въ ключѣ здоровая и пріятная на вкусъ.

По мѣрѣ приближенія къ хребту Чулакъ-тау грунтъ дороги становится все болѣе песчанымъ, а верстахъ въ девяти отъ станціи Карачекинской, когда дорога начинаетъ подыматься въ горы, является по преимуществу каменистымъ. Свой горный характеръ дорога сохраняетъ вплоть до Алтынъ-Имельской станціи, гдѣ она раздваивается: одна вѣтвь идетъ на Сергіополь, и далѣе на Омскъ, другая круто поворачиваетъ на востокъ, въ Кульджу. Отсюда почтовый трактъ въ Кульджу устроенъ русскою администраціею лишь въ 1870 году, тотчасъ по занятіи нашими войсками Кульджинской провинціи. Несмотря на свое недавнее существованіе, несмотря на трудности, сопряженныя съ содержаніемъ почтоваго дѣла

въ только-что завоеванномъ краѣ, трактъ этотъ содержится весьма удовлетворительно.

Хребетъ Чулакъ-тау имѣетъ общее направленіе отъ юго-запада къ сѣверо востоку, но покатости его неравны: сѣверо-западная покатость гораздо шире, и хребетъ распространяется отрогами и возвышенными площадями на нѣсколько десятковъ верстъ; юго-западная покатость, напротивъ, крута, и съ этой стороны хребетъ имѣетъ видъ грозной, непрерывной стѣны, тянущейся длинною линіею. Хотя вершины хребта и не блещутъ вѣчнымъ снѣгомъ, но видъ его съ юго-западной стороны живописенъ, и, наоборотъ, сѣверо-западная покатость, по которой идетъ вѣрненско-сергіопольская дорога, мертвенно-скучна и однообразна.

Спускъ съ хребта, по дорогѣ въ Кульджу, начинается въ $12^1/_2$ верстахъ отъ станціи Алтынъ-Имельской. Онъ тянется всего лишь на протяженіи шести верстъ, и называется Якши-Алтынъ-Имельскимъ проходомъ. Крутой спускъ этотъ довольно грандіозенъ. Дорога проходитъ въ разсѣлинахъ скалъ, грозно нависающихъ надъ головою. Часто скалы расходятся, и тогда съ покатости впереди открывается огромная равнина, окаймленная съ южной стороны среднимъ теченіемъ Или. Въ настоящее время ущелье хорошо разработано и не представляетъ никакихъ трудностей для движенія. Ущелье названо Якши (хорошимъ) Алтынъ-Имельскимъ, въ отличіе отъ Яманъ (дурного) Алтынъ-Имельскаго, лежащаго рядомъ и составляющаго еще болѣе сильное пониженіе хребта. Это послѣднее считалось болѣе труднымъ для движенія, почему и названо «дурнымъ».

Но отчего оба перевала получили названіе Алтынъ-Имель (золотое сѣдло) угадать трудно. По всей вѣроятности, кочевники назвали ихъ такъ потому, что перевалы эти давали имъ возможность переходить черезъ хребетъ. Существуетъ, впрочемъ, легенда, будто одинъ калмыцкій ханъ, спасаясь отъ преслѣдованія, зарылъ свое золотое сѣдло въ одинъ изъ этихъ переваловъ. Но здѣсь очевидно, что не ущелье получило названіе отъ легенды, а, наоборотъ, полѣдняя сложилась уже тогда, когда ущелье пріобрѣло свое прозваніе. Какъ бы то ни было, никакихъ драгоцѣнностей въ горахъ не открыто, и только въ Яманъ-Алтынъ-Имельскомъ ущельѣ находятся богатыя ломки мрамора.

Спустившись на равнину, приходится ѣхать по мѣстности печально-однообразной, безплодной, непаселенной и замкнутой почти со всѣхъ сторонъ скалистыми грядами горъ. Только на югѣ эта возвышенная равнина оканчивается песками, примыкающими къ Или.

Смотря по названію окаймляющихъ равнину горъ, она получаетъ и различныя наименованія, какъ-то: Тугурекъ, Конуръ-уленъ и проч. Песчано-каменистый грунтъ и отсутствіе воды лишаютъ степь растительности; лишь мѣстами, въ видѣ узкой полосы, либо пятенъ, являются влажныя мѣста, а съ ними и зеленѣющая трава, или осока.

Проѣхавъ верстъ семьдесятъ этой степью, верстахъ въ одиннадцати передъ станціей Койбынъ, снова слѣдуетъ ущельемъ, которое замѣчательно тѣмъ, что горный хребетъ (Кой-бынъ) здѣсь какъ будто треснулъ до самаго основанія и образовалъ коридоръ, такъ что дорога идетъ между горными массами, нисколько не измѣняя своего горизонтальнаго положенія. Каменный коридоръ тянется змѣей почти на протяженіи пяти верстъ. Громадныя щеки коридора, составленныя изъ плитъ или скалистыхъ нагроможденій краснаго и фіолетоваго камня, поражаютъ своимъ дикимъ величіемъ. Съ расширеніемъ ущелья, горы, его образующія, понижаются и вмѣстѣ съ тѣмъ измѣняется ихъ строеніе: изъ красныхъ и каменистыхъ, онѣ дѣлаются желтыми и глинистыми. Во время дождя, ущелье быстро наполняется водою, которая, скатившись по щекамъ, образуетъ на днѣ стремительные и иногда довольно глубокіе потоки.

Переваливъ у станціи Койбынъ черезъ крутую глинистую гору, ѣдешь по глинистой, волнистой мѣстности, чрезвычайно раскисающей въ дождливое время. Здѣсь, при дождѣ, весьма быстро образовываются потоки, которые, вымывая ложе въ мягкомъ грунтѣ, какъ бы пролагаютъ канавы и тѣмъ затрудняютъ путь.

Волнистая мѣстность мало по-малу переходитъ въ совершенную равнину, съ болѣе твердымъ грунтомъ, обнаженнымъ отъ всякой растительности. Только виднѣющійся впереди высокій снѣговой хребетъ Борохоро нѣсколько разнообразитъ печальную степь.

По приближеніи къ Борохудзиру, почва становится снова глинистою и даже глинисто-солонцоватою.

Борохудзиръ есть недавно возникшій городокъ, или, правильнѣе, поселокъ, на нашей границѣ съ бывшими провинціями Китая. Съ учрежденіемъ Туркестанскаго округа, для обезпеченія нашей границы отъ вторженія различныхъ хищническихъ шаекъ, на рѣкѣ Борохудзирѣ, равно какъ и на другихъ пограничныхъ пунктахъ, были выставлены отряды. Эти отряды должны были изображать собою какъ бы пограничныя укрѣпленія, и потому найдено было необ-

ходимымъ сдѣлать для нихъ помѣщенія, т. е. построить казармы и другія воинскія зданія.

Вскорѣ подъ прикрытіемъ отрядовъ стали поселяться выходцы изъ Китая, калмыки, а въ концѣ прошлаго (1871) года пришли въ Борохудзиръ тридцать пять семействъ крестьянъ изъ Томской губерніи, которые успѣли уже основать настоящій русскій поселокъ. Переселенцы эти и суть піонеры русской колонизаціи. Печальный пока видъ представляетъ поселокъ. На ровной, заросшей бурьяномъ, мѣстности, торчатъ сиротливо десятка три глиняныхъ домиковъ, съ окнами, въ которыхъ, вмѣсто стеколъ, вклеена бумага. Возлѣ домиковъ, по распоряженію мѣстнаго начальства, разводятся садики. Постройка деревянныхъ зданій, во избѣжаніе пожаровъ и вслѣдствіе другихъ причинъ, запрещена. Изъ лѣса, который растетъ верстахъ въ 35 отъ поселка, въ горахъ, дозволено только дѣлать кровли и употреблять его на подѣлки. Воду для орошенія полей поселенцы берутъ изъ руки Борохудзира, бывшаго притока рѣки Или, текущей отсюда верстахъ въ тридцати. Рѣчка Борохудзиръ имѣетъ до одной сажени ширины и течетъ въ плоскихъ глинистыхъ берегахъ, вслѣдствіе чего весьма грязна, такъ что вода ея больше похожа на квасную гущу. Рѣчка не доходитъ до Или, потому что вся разбирается на пашни. Почва въ окрестностяхъ Борохудзира весьма плодородна и даетъ богатые урожаи. Года три тому назадъ, здѣсь былъ сдѣланъ опытъ посѣва хлопчатника, давшій блестящіе результаты.

Поселенцы весьма довольны своимъ положеніемъ и дѣятельно устраиваются на новосельѣ. По вечерамъ, послѣ дневныхъ трудовъ, молодежь поселка собирается вмѣстѣ и оглашаетъ воздухъ звонкими пѣснями и играми.

Благосостояніе Борохудзира, безспорно, увеличится, когда на Или учредится пароходство. Въ настоящее время, въ Борохудзирѣ есть одна только достопримѣчательность: прекрасный, хотя и очень маленькій садикъ, въ которомъ, между прочимъ, произрастаютъ персики и абрикосы. Этотъ садикъ общественный; онъ насаженъ года три-четыре тому назадъ, и теперь уже приноситъ плоды. Видъ прекраснаго, благоустроеннаго садика, среди ровной, раскаленной степи, производитъ весьма пріятное впечатлѣніе. Это точно капля живительной росы на языкъ изсушенный жаждою. Рѣка Борохудзиръ до послѣдняго времени считалась (да и теперь еще официально считается) нашею пограничною рѣкою. Отсюда начинались

земли, составлявшія, такъ называемую, Кульджинскую или Илійскую провинцію, въ прошломъ году занятую нашими войсками.

Характеръ мѣстности отъ Борохудзира измѣняется значительно. Почтовая дорога въ Кульджу проходитъ по мѣстности, сохранившей слѣды могучей культуры.

Нѣсколько десятковъ верстъ вы ѣдете насаженнымъ лѣсомъ, въ которомъ частые горные ручьи, пересѣкающіе дорогу, давали возможность не только разводить и поддерживать деревья, но и воздѣлывать пашни. Нынѣ арыки заглохли, пашни заброшены, деревья частью засохли, частью истреблены. Развалины городовъ, чрезъ которые проходитъ дорога, еще болѣе усугубляютъ безотрадное чувство. Лѣтъ семь-восемь тому назадъ, въ этихъ городахъ кипѣла еще жизнь; здѣсь обитало племя болѣе цивилизованное, чѣмъ то, которое населяетъ Туркестанъ. Нынѣ остались только торчащія стѣны, груды мусора, почернѣвшія отъ пожара деревья, разрушенныя молельни съ кумирами, поверженными въ прахъ.

Лѣсъ, тянущійся отъ Борохудзира до развалинъ Акъ-кента и далѣе, на нѣсколько верстъ, состоитъ по преимуществу изъ карагача, затѣмъ изъ тальника и джиды (цареградской вербы). Но эти породы деревьевъ здѣсь невысоки и больше походятъ на крупные кустарники; только въ районахъ разрушенныхъ городовъ попадаются по нѣскольку высокихъ тополей, яблоней и карагача.

Изъ невысокихъ кустарниковъ здѣсь встрѣчаются саксаульникъ и колючка, а изъ травъ осока, полынь, сладкій корень и другіе. Грунтъ по преимуществу глинистый, либо солонцоватый; по мѣстами попадается галька, сопровождающая теченіе горныхъ рѣчекъ, которыя берутъ начало въ хребтѣ Борохоро, тянущемся грозною, высокою стѣною влѣво отъ дороги, верстахъ въ двадцати-тридцати отъ нея. Одна изъ такихъ горныхъ рѣчекъ Усёкъ, протекающая въ 14-ти верстахъ отъ Борохудзира, имѣетъ довольно почтенные размѣры. Разбиваясь на нѣсколько рукавовъ, она въ главномъ своемъ руслѣ имѣетъ свыше десяти саженъ ширины, а глубины въ невысокую воду до одного аршина. Въ періодъ полноводія (въ іюнѣ и іюлѣ), при чрезвычайной быстротѣ теченія, переправа черезъ рѣчку (въ бродъ) сопряжена съ большими затрудненіями. Проѣхавшій благополучно, т. е. не опрокинувшійся въ воду и не растерявшій своихъ пожитковъ, долженъ считать себя счатливымъ и возблагодарить провидѣніе. Уровень воды въ рѣчкѣ измѣняется также и въ теченіе сутокъ: послѣ полудня вода стоитъ болѣе высокая, чѣмъ рано утромъ.

Лѣсъ имѣетъ многочисленныхъ обитателей: изъ птицъ здѣсь водятся, между прочимъ, кукушки, фазаны, соловьи; изъ звѣрей особенно замѣчательны кабаны и тигры, обитающіе въ при-илійскихъ камышахъ. Изъ насѣкомыхъ здѣсь несмѣтное количество оводовъ и слѣпней безпокоящихъ скотъ. Людское населеніе по дорогѣ почти не встрѣчается; кочевники-калмыки находятъ здѣсь, впрочемъ, надежное пристанище зимою, кочуя лѣтомъ въ горахъ Борохоро.

За лѣсною полосою вплоть до рѣки Хоргоса (верстъ двадцать) тянется открытая, постепенно возвышающаяся къ рѣкѣ, песчаная и безплодная мѣстность. Переправа черезъ Хоргосъ происходитъ у развалинъ китайскаго города того же имени. Рѣка здѣсь течетъ, разбиваясь на многіе рукава, по широкому (версты двѣ) каменистому ложу. Главный рукавъ, по причинѣ быстраго теченія, глубины (до осей экипажа) и свойства дна, состоящаго изъ крупныхъ камней, даже и не въ полную воду затрудняетъ переправу. Вообще здѣсь, какъ и на Усёкѣ, необходимо было бы устроить мосты. Отъ Хоргоса до Чинъ-ча-хо-дзи и далѣе до Суйдуна мѣстность ровная, либо слегка волнистая, пересѣкаемая логами, по дну которыхъ, устланному галькою, пробѣгаютъ горные ручьи. Берега овраговъ не высоки, хотя, по большей части, круты. По дорогѣ, и въ сторонѣ, также замѣчаются слѣды нѣкогда кипѣвшей, а теперь вымершей жизни. Вы проѣзжаете по развалинамъ города Чимъ-панъ-дзи, одинъ взглядъ на которыя свидѣтельствуетъ, что городъ этотъ былъ не чета среднеазіятскимъ мусульманскимъ городамъ. По сторонамъ дороги усматриваются какъ бы оазисы деревьевъ: это сады, украшавшіе собою въ былое время деревни и деревушки, нынѣ оставленныя и разрушенныя.

Крѣпостца Чинъ-ча-хо-дзи, населенная дунганами и сартами, въ прошломъ году была взята нашими войсками штурмомъ. Жители ея, ожидавшіе, согласно принятаго въ Азіи обычая, грабежа со стороны побѣдителей, были немало удивлены, когда, по занятіи крѣпости, у нихъ ничего не было взято насильно.

Эта крѣпостца, какъ и слѣдующая за нею Суйдунъ, населенная исключительно дунганами, имѣетъ характеръ уже китайскій. Выступы въ крѣпостныхъ стѣнахъ и у воротъ усилены башенками китайской конструкціи, съ поднятыми кверху углами крышъ. Въ крѣпостяхъ одна или двѣ улицы широкія и прямыя, усаженныя деревьями, образующими нѣчто въ родѣ бульвара. Въ постройкахъ преобладаетъ дерево; немногія каменныя зданія выстроены изъ прекраснаго жженаго кирпича. Мечети (дунгане всѣ мусульмане) сооружены въ родѣ китайскихъ пагодъ. На базарахъ, поперекъ улицъ, воздвигнуты

довольно изящныя арки, украшенныя изображеніями драконовъ, цвѣтовъ и другихъ фигуръ. Женщины на улицахъ не маскируются и не скрываются отъ взоровъ мужчинъ. Но, рядомъ съ этими улучшеніями, грязь, вонь и нечистота на улицахъ, въ лавкахъ и домахъ такія же, если не хуже, что и въ мусульманскихъ городахъ Туркестана. Населеніе крайне бѣдное. Въ лавкахъ продаютъ только предметы самой первой необходимости. Возлѣ лавокъ помѣщаются харчевни съ острымъ и удушающимъ запахомъ.

Не доѣзжая верстъ пяти до Суйдуна, среди дороги, одиноко стоятъ два большихъ дерева (карагача), сросшихся вмѣстѣ у основанія: они считаются *священными*. По разсказамъ туземцевъ, эти два дерева суть прародители всѣхъ лѣсовъ и садовъ (состоящихъ по преимуществу изъ карагача) при-илійской долины. Въ большомъ желвакѣ, соединяющемъ оба дерева, образовалось дупло, сообщающееся съ поверхностью только посредствомъ двухъ-трехъ маленькихъ отверстій. Туземцы увѣряютъ, что въ дуплѣ всегда сохраняется чистая и свѣжая вода. По тщательному осмотру моему, никакой воды въ дуплѣ не оказалось, несмотря на то, что передъ тѣмъ шелъ обильный дождь.

Изъ Суйдуна почтовая дорога проходитъ по волнистой, открытой мѣстности, вдоль подошвы плоскихъ отроговъ Талкинскаго хребта, средняя часть котораго носитъ названіе *Кумыръ-тау* (угольныя горы) отъ огромныхъ залежей каменнаго угля, содержащихся въ горахъ. Разработка угля происходитъ верстахъ въ пятнадцати не доѣзжая Кульджи, къ сѣверу отъ дороги.

Вправо отъ дороги тянется населенная и воздѣланная долина рѣки Или. Опустошеніе и развалины городовъ и здѣсь свидѣтельствуютъ о недавней рѣзнѣ и о взаимномъ истребленіи народностей. Въ числѣ развалинъ слѣдуетъ упомянуть объ обширныхъ остаткахъ большого города—китайской Кульджи, виднѣющихся на самомъ берегу Или, вправо отъ дороги, вскорѣ послѣ выѣзда изъ Суйдуна. Еще одна такая же обширная могила встрѣчается и верстахъ въ десяти не доѣзжая Кульджи таранчинской. Это развалины города Баяндая, въ которомъ, говорятъ, было до 17,000 жителей.

У Баяндая подошва отроговъ Талкинскаго хребта круто поворачиваетъ къ сѣверу, дорога выходитъ на равнину и идетъ до Кульджи по прекрасно воздѣланнымъ мѣстамъ, занятымъ пашнями, огородами, хуторами и т. под. Миновавъ небольшой городокъ Чимъ-панъ-дзи, лежащій въ четырехъ верстахъ отъ Кульджи и населенный исключительно китайцами, вы вскорѣ въѣзжаете въ предмѣстья,

которыя приводятъ васъ прямо къ высокой глиняной съ башнями стѣнѣ самаго города Кульджи, не отдѣленнаго отъ предмѣстій никакою эспланадою.

IV.

КУЛЬДЖА.

Мѣсторасположеніе Кульджи.—Рѣка Или.—Климатъ.—Разноплеменность кульджинскаго населенія.—Китайцы и ихъ владычество въ Илійской провинціи.—Дунгане.—Таранчи.—Общій видъ города.—Базары.—Китайская кумирня.—Китайская католическая часовня.—Статистическія данныя о Кульджѣ.—Число зданій.—Количество населенія.—Распредѣленіе населенія по вѣроисповѣданіямъ.—Занятія жителей.—Торговля и промышленость. — Хлѣбопашество.—Школы.—Народная нравственность.—Народный судъ.

Городъ Кульджа, о которомъ въ настоящее время идетъ рѣчь, называется еще «старою» или «таранчинскою Кульджею», въ отличіе отъ разрушенной въ 1866 году «новой» или «китайской Кульджи», лежащей отъ старой въ тридцати пяти верстахъ къ юго-западу. Старая Кульджа расположена въ широкой долинѣ рѣки Или, на правомъ ея берегу, въ пяти верстахъ отъ рѣки. Или у Кульджи течетъ въ открытыхъ берегахъ широкою и многоводною рѣкою. Правый берегъ и здѣсь, какъ и вдоль всего теченія, круче, чѣмъ лѣвый. Ширина рѣки около восьмидесяти саженъ. Переправа производится на трехъ паромахъ, содержимыхъ русскимъ промышленикомъ. Вслѣдствіе быстроты теченія, особенно при вѣтрѣ, переправа производится медленно. Рѣка замерзаетъ въ теченіе девяноста дней въ году, отъ конца ноября до конца февраля. По Или издавна сплавлялся лѣсъ изъ верховій въ средніе части рѣки.

Почва въ окрестностяхъ города песчано-глинистая и весьма плодородная. Климатъ Кульджи теплый, здоровый и пріятный. Хотя лѣтніе жары здѣсь и доходятъ до 35° Р. въ тѣни, но зной значительно умѣряется перепадающими въ теченіе лѣта дождями. Благодаря весеннимъ дождямъ, хлѣбъ въ окрестностяхъ Кульджи можетъ родиться даже и безъ поливки. Зимы здѣсь ровныя, снѣгъ держится до полутора мѣсяца. Холода зимою доходятъ до—24° Р.

Кульджинская долина защищена со всѣхъ сторонъ, кромѣ западной, высокими горами, и этимъ обстоятельствомъ, какъ кажется, и можно объяснить умѣренность климата, который, при всемъ томъ, благодаря южному положенію страны, даетъ возможность къ произрастанію нѣжныхъ деревьевъ и плодовъ. Такъ, въ кульджинскихъ садахъ растутъ персики, абрикосы, гранаты, виноградъ, яблоки, груши и тутъ (*). Впрочемъ, всѣ эти плоды мелки и, отъ недостатка ухода, дики. Въ Суйдунѣ, лежащемъ въ сорока верстахъ отъ Кульджи, на западъ, фрукты несравненно лучше, вслѣдствіе чего, съ приходомъ сюда русскихъ, туземцы стали прививать суйдунскія фруктовыя деревья кульджинскимъ. Въ окрестностяхъ Кульджи произрастаетъ даже хлопчатникъ, воздѣлываемый, при отсутствіи предпріимчивости, въ ограниченномъ количествѣ. Абрикосы въ Кульджѣ поспѣваютъ во второй половинѣ іюня, а персики въ концѣ іюля и въ началѣ августа.

Господствующій вѣтеръ западный, т. е. съ низовій Или. Этотъ вѣтеръ приноситъ съ собою влагу и дождь.

Кульджа замѣчательна разнородностью своего населенія. Здѣсь, какъ и вообще во всей Илійской долинѣ, смѣшаны самыя разнобразныя племена людей. До начала шестидесятыхъ годовъ, господство принадлежало китайцамъ, которые владычествовали надъ болѣе многочисленными племенами дунганей и таранчей.

Сознавая превосходство свое надъ туземцами и отличаясь гордымъ и заносчивымъ характеромъ, китайское правительство и чиновничество не стѣснялось въ способахъ выраженія своего владычества. Народъ былъ отягощенъ разными налогами. Кромѣ того, жители Илійской провинціи должны были содержать на свой счетъ многочисленныя стада богдыхана. Собственность населенія нисколько не была обезпечена. Если какая-нибудь вещь нравилась китайскому чиновнику, то она безъ всякихъ разговоровъ отбиралась. То же самое дѣлалось, если чиновнику нравилась жена или дочь дунгана или тарапчи. Независимо отъ всего этого, народъ испытывалъ и другія униженія. При встрѣчѣ съ китайцемъ, иноплеменникъ долженъ былъ встать, если сидѣлъ, и слѣзть съ коня, если ѣхалъ верхомъ. Такая цѣпь обидъ, униженій и оскорбленій переполнила терпѣніе: дунгане и таранчи возстали и страшно расплатились съ своими угнетателями. Центральное китайское правительство, по своему безсилію, оставалось безучастнымъ зрителемъ рѣзни и отпаденія своихъ провинцій.

Можно быть увѣреннымъ, что правительство богдыхана, едва поддерживающее свою власть въ собственномъ Китаѣ, не въ состояніи будетъ снова покорить отпавшія земли, которыя и прежде подчинялись ему больше номинально, чѣмъ фактически. Частыя сверженія династій, безпрестанные мятежи на окраинахъ, расшатали до того

(*) Тутъ растетъ въ изобиліи. Въ нынѣшнемъ году былъ опытъ вывода шелковичныхъ червей, который показалъ, что шелководство въ Кульджѣ можетъ идти съ успѣхомъ.

разношерстный составъ Небесной Имперіи, что теперь, когда возстаніе охватило всѣ провинціи, лежащія къ сѣверу и къ западу отъ «великой стѣны», китайцамъ, даже и при посторонней помощи, управиться съ мятежными землями невозможно.

Достаточно проѣхать по Кульджинской провинціи, гдѣ, на протяженіи сотенъ верстъ, видны слѣды страшнаго опустошенія, чтобы убѣдиться въ гнилости не только правительства, но даже національности, допустившей подобный разгромъ.

Дунгане, свергнувъ иго китайцевъ, вскорѣ уступили господство въ Илійской провинціи таранчамъ.

Происхожденіе дунганей загадочное. Приходъ этого племени на настоящія мѣста жительства теряется во мракѣ временъ. Въ Кульджѣ существуетъ преданіе, будто дунгане пришли сюда еще съ Тимуромъ, и будто бы герой этотъ, женясь на китайской принцесѣ, получилъ въ приданое отъ богдыхана Илійскую провинцію. Сподвижники героя послѣдовали примѣру вождя и тоже пережепились на китаянкахъ. Впослѣдствіи, когда Тимуръ ушелъ во-свояси, сподвижники его остались и получили въ подарокъ землю, вслѣдствіе чего дунгане и считаютъ себя ея владѣтелями по праву.

По своему типу, дунгане ближе подходятъ къ тюркскому племени, къ узбекамъ и сартамъ, населяющимъ Ташкентъ, Кашгаръ и другіе города Туркестана, чѣмъ къ китайцамъ. Вѣру они исповѣдуютъ мусульманскую. Во всемъ остальномъ, по языку, одеждѣ и образу жизни—они настоящіе китайцы. Сохранивъ вполнѣ китайскій костюмъ, илійскіе дунгане, однако, усвоили себѣ мусульманскій обычай брить голову и носить на головѣ тюбетейку.

Во всякомъ случаѣ, можно предполагать, что дунгане принадлежали сперва къ тюркскому племени, но потомъ смѣшались съ китайцами и приняли отъ послѣднихъ цивилизацію. А такъ какъ въ дѣлѣ религіи китайцы самый равнодушный народъ въ мірѣ, мусульмане же, наоборотъ, по преимуществу фанатики, то дунгане, воспринявъ отъ китайцевъ все, остались при своей прежней вѣрѣ.

Таранчи принадлежатъ уже къ чисто-тюркскому племени. Они переселены въ концѣ прошлаго вѣка (въ 1770 годахъ) изъ восточнаго Туркестана (изъ городовъ Турпане, Акъ-су, Кашгара и другихъ) съ цѣлью развить хлѣбопашество и земледѣліе въ Илійской долинѣ, разоренной и завоеванной незадолго передъ тѣмъ китайцами. Слово «таранча» по-китайски и значитъ «земледѣлецъ». По распоряженію китайскаго правительства, къ числу переселенцевъ были отнесены преимущественно преступники и вообще люди дурной нравственности.

Такихъ переселенцевъ выслано было до 7,000 семействъ. Отъ браковъ съ дунганями они размножились, окрѣпли, и даже были въ состояніи, послѣ китайскаго погрома, вырвать гегемонію изъ рукъ дунганей.

Живя среди китайской обстановки и цивилизаціи, таранчи, какъ въ Кульджѣ, такъ и въ другихъ городахъ Илійской провинціи, усвоили весьма многое отъ китайцевъ. Женщины ихъ ходятъ по улицамъ съ открытымъ лицемъ, несмотря на строгое предписаніе шаріата закутываться въ халатъ и закрываться густою сѣткою. Въ домахъ введена нѣсколько улучшенная обстановка: въ комнатахъ устраиваются нары, устанавливаются столы, табуреты, а то и кресла самой простой конструкціи. Въ одеждѣ таранчи тоже нестрого держатся предписаній корана и научились мѣнять подчасъ широкій и неуклюжій халатъ на болѣе короткую и удобную поддевку. Кромѣ того, китайцы научили таранчей употребленію каменнаго угля для топлива и для фабричныхъ производствъ, и пр. и пр.

Преобладающее населеніе старой Кульджіи—таранчи; вотъ почему и физіономія города не имѣетъ чисто-китайскаго характера. Замѣчательно, что двѣ главныя мечети въ Кульджѣ построены въ чисто-китайскомъ стилѣ, тогда какъ китайская кумирня имѣетъ видъ самой простой лачуги.

Построекъ изъ жженаго кирпича съ фигурными изображеніями и съ черепичною крышею, воздвигнутыхъ еще китайцами, осталось весьма немного въ Кульджѣ. Всѣ почти дома глинобитные, съ камышевою крышею, приземистые, темные, невзрачные, имѣющіе типъ общій всѣмъ постройкамъ мусульманскихъ средне-азіятскихъ городовъ.

Въ городѣ два базара: таранчинскій (въ крѣпости) и китайскій (въ предмѣстьи). Базары отличаются отъ средне-азіятскихъ только тѣмъ, что лавки нѣсколько просторнѣе и въ нихъ устроены выручки, загораживающія входъ и отдѣляющія внутреннее помѣщеніе отъ покупателей. Базарныя улицы сверху непокрыты, вслѣдствіе чего не защищены ни отъ дождя, ни отъ зноя. На китайскомъ базарѣ въ лавкахъ зачастую торгуютъ женщины, и здѣсь же подчасъ усматриваются въ продажѣ цвѣты — особенность чисто-китайская, такъ какъ въ мусульманскихъ городахъ продажа цвѣтовъ показалась бы чистѣйшею нелѣпостью.

Въ китайской части города, на базарѣ есть нѣсколько ресторановъ, въ которыхъ насыщаются правовѣрные. Копѣекъ за двадцать голодный наѣдается всласть. Въ этихъ ресторанахъ замѣчательно разнообразіе приготовляемыхъ блюдъ. Чтобы попасть въ ресто-

ранъ, нужно пройти сперва черезъ кухню, выходящую прямо на улицу и раздражающую обоняніе прохожихъ. Несмотря на то, что кухни содержатся опрятно и приготовленіе кушанья довольно чисто, острый и удушливый запахъ еще издали даетъ знать о присутствіи ресторана, и европейцу надо имѣть очень крѣпкіе нервы, чтобы долгое время выносить этотъ запахъ.

Главнѣйшія улицы въ городѣ вымощены мелкимъ камнемъ; вдоль ихъ проложены арыки, хорошо выложенные кирпичемъ. Городъ вообще бѣдный и грязный; особенно грязна китайская часть. Однако, движеніе народа въ китайской части больше; тогда какъ на таранчинскомъ базарѣ солидные мусульмане чинно сидятъ въ своихъ лавкахъ, позѣвывая и отгоняя мухъ особымъ снарядомъ изъ волосяной метелки, придѣланной къ ручкѣ, на китайскомъ базарѣ вѣчное движеніе, суета, шумъ. Продавцы товаровъ выкрикиваютъ и зазываютъ покупателей. Толпы ребятишекъ, частью полунагихъ, частью совершенно нагихъ, снуютъ взадъ и впередъ.

Въ толпѣ мужчинъ выдѣляются китаянки въ своихъ оригинальныхъ костюмахъ, на маленькихъ уродливо-сдавленныхъ ножкахъ, на которыхъ онѣ ходятъ съ трудомъ, точно на ходуляхъ, покачиваясь въ стороны.

На каждомъ шагу натыкаешься на продавцевъ, у которыхъ весь товаръ помѣщается въ одной рукѣ и стоитъ двѣ, три копѣйки. Вотъ до-нельзя грязный мальчишка, держа на пальцѣ кусокъ баранины, кричитъ что есть мочи, заявляя о своемъ товарѣ....

Наибольшая тѣснота, шумъ и давка происходятъ въ такъ-называемомъ обжорномъ ряду, гдѣ продаются различныя снѣди. За какія нибудь три, четыре копѣйки бѣднякъ достаточно утоляетъ свой аппетитъ.

Утоливъ голодъ, китайскіе лазарони укладываются гдѣ-нибудь въ холодку возлѣ лавки и, въ теченіе цѣлаго дня, предаются праздности.

Торговля на китайскомъ базарѣ раздѣляется на три категоріи: 1) торговля постоянная, производящаяся въ лавкахъ, въ которыхъ продаются болѣе цѣнные предметы: мата, ситцы, чай, сахаръ, желѣзо и проч.; 2) торговля подвижная — на столикахъ, разставляемыхъ передъ лавками; тутъ продаются вещи уже болѣе дешевыя: простое мыло, зеркальца, деревянные гребешки, скверный табакъ, иголки, горсти двѣ русскихъ конфектъ и проч.; этотъ товаръ на ночь убирается и утромъ снова раскладывается, и 3) торговля разносная, производимая въ корзинахъ, или просто въ рукахъ: сюда относится продажа яицъ, фруктовъ, птицъ и проч.

Сколько-нибудь порядочныхъ вещей въ Кульджѣ теперь нѣтъ. До 1866 года здѣсь можно было найти китайскія шелковыя ткани, фарфоровыя вещи, драгоцѣнные камни; нынѣ мало-мальски порядочныя ткани и фарфоръ сдѣлались археологическою рѣдкостью и сильно вздорожали.

По занятіи нами Кульджи, особую статью торговли составляли китайскіе «бурханы» (небольшія мѣдныя, либо чугунныя статуйки, изображающія боговъ). И бурханы уже раскуплены.

Грязный и непривлекательный городъ снаружи оказывается еще грязнѣе внутри, т. е. во дворахъ и въ домахъ. Дворы завалены всякою нечистотою, а въ домахъ соръ и безпорядокъ превосходятъ всякое представленіе. Помѣщенія даже богатыхъ и достаточныхъ людей страдаютъ отсутствіемъ свѣта, вентиляціи и чистоты. Китайскіе дома, кромѣ того, отличаются какимъ-то особеннымъ, имъ однимъ свойственнымъ, острымъ запахомъ.

Изъ общественныхъ зданій въ Кульджѣ, кромѣ двухъ вышеупомянутыхъ мечетей, достойна замѣчанія китайская кумирня. Входъ въ кумирню ведетъ черезъ нѣсколько грязныхъ двориковъ. Въ переднемъ дворикѣ, въ темной конурѣ, помѣщается училище, гдѣ собираются дѣти для изученія правилъ Конфуція. У каждаго мальчугана въ рукѣ по книжкѣ, но учатся всѣ сообща, прикрикивая, подобно тому, какъ это дѣлается въ еврейскихъ и въ мусульманскихъ школахъ.

Самая молельня помѣщается въ темной, но довольно просторной комнатѣ. Обстановка сильно напоминаетъ католическую церковь. У передней стѣны стоитъ большой престолъ, установленный разными яствами, свѣтильниками, сосудами, въ которыхъ дымится курево. За престоломъ, равно какъ и по боковымъ стѣнамъ, нарисованы изображенія святыхъ, а надъ престоломъ повѣшено фигурное изображеніе дракона. Фигуры святыхъ отличаются дородностью и полнотою. Вдоль стѣнъ висятъ флаги, въ родѣ хоругвей. Наконецъ, возлѣ престола, привѣшены колокола. По моему желанію, священнодѣйствіе сталъ производить грязный и оборванный субъектъ, который, подъ мѣрные удары колоколовъ, съ пукомъ тлѣющихъ свѣчекъ въ рукахъ, производилъ безконечные поклоны земные и полуземные, приступая и отступая къ жертвеннику или престолу.

Въ важныхъ случаяхъ, взамѣнъ словесныхъ молитвъ, сжигаютъ бумажки, съ написанными молитвами или пожеланіями, въ увѣренно-

сти, что такимъ образомъ возносимыя моленья доходятъ скорѣе до Бога (*).

Въ числѣ кульджинскихъ китайцевъ находится человѣкъ восемьдесятъ исповѣдывающихъ христіанство и называющихъ себя *католикусами*. Они имѣютъ у себя маленькую церковь, расположенную на краю города. При входѣ я былъ встрѣченъ однимъ изъ китайцевъ, обратившихся ко мнѣ со словами: «Христосъ воскресъ!» Сперва надлежало пройти по двумъ маленькимъ и грязнымъ дворикамъ, которые и приводятъ въ небольшую комнату. Въ стѣнѣ, противоположной входу, въ родѣ стѣннаго шкафа, устроены двери, ведущія въ крошечную комнатку, въ родѣ часовни. Въ этой часовнѣ находится литографированное изображеніе римско-католической Богоматери, Распятіе, два мѣдные подсвѣчника и на узенькомъ столикѣ, подъ Распятіемъ, лежитъ латинская библія.

Я взялъ библію и предложилъ одному изъ присутствовавшихъ китайцевъ прочесть; тотъ прочелъ, но, видимо, не понималъ читаннаго. Вообще кульджинскіе «католикусы» весьма нетверды въ основаніяхъ своей вѣры. На шеѣ они носятъ крестики и молитвы читаютъ на латинскомъ языкѣ. Являясь съ просьбою къ начальству, свои крестики они вывѣшиваютъ снаружи.

Въ домахъ у кульджинскихъ католиковъ на стѣнахъ, вмѣсто иконъ, усматривается изображеніе креста. Кромѣ того, можно подчасъ видѣть и четки съ крестикомъ, либо съ ладонкою, на которой вышитъ крестикъ.

Христіанство было занесено въ Кульджу французскими мисіонерами, пріѣзжавшими изъ Пекина. Нельзя безъ изумленія отнестись къ этимъ воинамъ Христа, проходившимъ столь огромныя, дикія пространства, для осуществленія своихъ завѣтныхъ идей!

Вотъ статистическія данныя о числѣ домовъ и о количествѣ народонаселенія въ Кульджѣ (**).

Въ 1872 году въ Кульджѣ находилось:

Церквей православныхъ	1
Римско-католическихъ	1
Китайскихъ кумиренъ.	2
Мечетей.	36
Домовъ.	1,258
Всего зданій. .	1,298

(*) Есть еще одинъ оригинальный способъ молиться: къ колесу привязывается бумажка, съ написанною на ней молитвою; колесо быстро вертится, при чемъ каждый оборотъ колеса считается за отдѣльно-произнесенную цѣлую молитву.

(**) Всѣ цифровыя данныя обязательно сообщены завѣдывающимъ кульджинскимъ участкомъ П. Я. Рейталемъ.

По племенамъ и сословіямъ, кульджинское населеніе распредѣляется слѣдующимъ образомъ:

	Мужескаго пола.	Женскаго пола.	Всего.
1) *Русскихъ:*			
Дворянъ потомственныхъ. . .	6	4	10
» личныхъ.	12	—	12
Духовенства чернаго	1	—	1
Мѣщанъ.	19	7	26
Крестьянъ	9	4	13
Войскъ	714	—	714
Казаковъ	257	—	257
2) *Туземцевъ:*			
Таранчей.	2,083	1,822	3,905
Дунганей.	202	206	408
Китайцевъ	976	776	1,752
Прочихъ народностей (*). . .	370	225	595
Итого. .	4,649	3,044	7,693

Распредѣленіе народонаселенія Кульджи по вѣроисповѣданіямъ слѣдующее:

	муж. п.	женск. п.	всего.
Православныхъ.	1,013	14	1,027
Католиковъ.	72	71	147
Лютеранъ	3	—	3
Магометанъ.	2,655	2,253	4,908
Язычниковъ	906	706	1,612
	4,649	3,044	7,693

Производительность Кульджи невелика. Послѣднія смуты и волненія, терзавшія Илійскую провинцію, сильно тормозили всякую полезную дѣятельность населенія, которое начинаетъ отдыхать и оправляться только теперь.

Число лавокъ въ городѣ значительно: оно доходитъ до 650; но количество товаровъ ничтожно и ограничивается неприхотливою потребностью населенія. Болѣе крупный торгъ ведутъ сарты изъ Ташкента, Кокана и Кашгара и татары изъ Вѣрнаго и Копала. Глав-

(*) Сюда относятся: калмыки, торгоуты, манджуры, киргизы, афганы и сарты—выходцы изъ Туркестана и Кашгара.

пѣйшіе предметы привоза составляютъ: изъ Кашгара и изъ другихъ мусульманскихъ городовъ—мата и халаты; изъ Вѣрнаго и Копала низкихъ сортовъ ситцы, панка, коленкоръ, плисъ, сукна, металическія вещи, и изъ Урумчи и собственно Китая—чай. Взамѣнъ этихъ продуктовъ отпускаются: бараны (по преимуществу въ Кашгаръ), мерлушки, сырыя кожи, гончарныя издѣлія, яблоки и урюкъ (абрикосы), лисьи шкуры, молодые маральи рога. Послѣдніе весьма выгодно сбываются китайцамъ черезъ Кяхту и употребляются ими какъ лекарство отъ истощенія силъ.

Фабричная и ремесленная производительность еще болѣе ничтожна, чѣмъ торговая. Вотъ перечень наиболѣе крупныхъ производствъ:

Наименованіе фабрикъ и заводовъ.	Число.	Сумма производства въ рубляхъ.	Число рабочихъ.
Маслобойныхъ	10	12,000 р.	78
Писчебумажныхъ	4	500 »	24
Чугуноплавильныхъ . . .	5	600 »	20
Гончарныхъ.	2	960 »	6
Красильныхъ	1	300 »	5
Вермишельныхъ	3	101 »	6
Итого . .	25	14,461 »	139

Хлѣбопашествомъ жители занимались мало, потому, что много рукъ было отвлечено для комплектованія султанскихъ войскъ. Съ нынѣшняго года населеніе, необремененное рекрутскою и никакими земскими повинностями, дѣятельно приступило къ воздѣлыванію земли. Урожай пшеницы даетъ здѣсь самъ 30-ть (*).

(*) Цѣны на кульджинскомъ рынкѣ слѣдующія:

Пшеница въ обыкновенное время стоитъ пудъ 7—8 копѣекъ; но въ нынѣшнемъ году, вслѣдствіе военныхъ дѣйствій, смутъ и большого числа войскъ, продовольствовавшихся въ прошломъ году, поднялась до 1 руб. 80 коп. Затѣмъ обыкновенныя цѣны: на рисъ 15 коп., на просо 15 коп., на ячмень 18 коп., на клеверъ 4 коп. за пудъ.

Пудъ мяса и баранины колебался отъ 70 коп. до 2 руб. 40 коп.

Сотня яицъ стоитъ 30 коп., курица при взятіи Кульджи стоила 2 копѣйки; теперь цѣна поднялась до 8 коп.; фунтъ масла стоитъ 30 коп.; сальныхъ свѣчей пудъ 5 руб.; средняя стоимость сахара равна 30 рублямъ за пудъ. Фамильный чай продается по 1 руб. 50 коп. за фунтъ.

Мата—кусокъ въ 18 аршинъ стоитъ отъ 60 до 70 коп., русскій ситецъ продается по 22 коп. аршинъ; тикъ по 30 коп. и коленкоръ отъ 25 до 35 коп. аршинъ.

Корова стоитъ отъ 16 до 25 руб., лошадь отъ 20 до 60 руб., баранъ 3 руб., быкъ отъ 25 до 40 руб.

Лѣсъ — бревно 8 вершковъ въ діаметрѣ и 2 сажени длины—стоитъ 2 рубля; доска—8 вершковъ ширины и $2^1/_2$ аршина длины—10 коп.; доска въ 3 аршина длины и 8 вершковъ ширины 50 коп.

Кирпичъ обожженый тысяча стоитъ 2 рубля; сырцовый кирпичъ 1 руб. 60 коп. за тысячу; чернорабочій въ день 15 коп.; рабочій съ лошадью беретъ отъ 40 коп. до 1 рубля.

Просвѣщеніе въ Кульджѣ выражается слѣдующими цифрами школъ и содержимыхъ въ нихъ учениковъ.

Наименованіе школъ.	Число школъ.	Число учащихся. муж. п.	женск. п.	Всего.
При китайской кумирнѣ	1	25	»	25
При большой мусульманской мечети	1	60	10	70
При домахъ муллъ	4	82	21	103
Итого.	6	167	31	198

Кульджинское населеніе отличается довольно кроткимъ и спокойнымъ нравомъ; но, вслѣдствіе бѣдности и дороговизны хлѣба, происшедшей отъ недостатка посѣва въ 1871 году, сильно развилось воровство. Ворованныя вещи тотчасъ спускаются на базаръ, либо вымѣниваются на хлѣбъ. Уничтоженіе русскими властями жестокихъ наказаній (отсѣченіе руки, битье палками по пятамъ и пр.) также на первыхъ порахъ способствовало увеличенію проступковъ и преступленій. Городская тюрьма (зиданъ), представляя удобное помѣщеніе, не только не устрашаетъ, а, напротивъ, привлекаетъ бѣдный людъ, который находитъ тамъ готовое продовольствіе, пріятную кампанію и безмятежный отдыхъ. Можно, однако, быть увѣреннымъ, что подобное положеніе дѣлъ лишь временное, и когда жизнь населенія, подъ вліяніемъ прочно-утвердившейся власти, войдетъ въ нормальную колею, т. е. когда благосостояніе народа увеличится, то число кражъ уменьшится само собою.

Вліяніе русскихъ въ Кульджѣ, безспорно, можно считать благотворнымъ. Независимо отъ обезпеченія собственности, много улучшенныхъ учрежденій привито русскими въ средѣ недавно подчиненнаго населенія. Такъ, между прочимъ, весьма пріятное впечатлѣніе производитъ введеніе гласнаго суда для туземцевъ. Всѣ преступленія и проступки разбираются на съѣздѣ судей, которые выбираются самимъ народомъ. Собраніе судей происходитъ два раза въ недѣлю. Предварительное слѣдствіе производится однимъ изъ судей, который на съѣздѣ служитъ и докладчикомъ дѣлъ. Во время суда пишутся показанія, составляется протоколъ и постановляется рѣшеніе. Разбирательство производится съ чрезвычайнымъ тактомъ. Туземная публика съ любопытствомъ приходитъ смотрѣть на небывалое зрѣлище.

Населеніе не только не дичится русскихъ, но, напротивъ, при-

вязано къ намъ и смотритъ на насъ какъ на своихъ избавителей отъ предшествовавшихъ бѣдъ и треволненій.

Когда населенію стало извѣстна мысль о переговорахъ относительно передачи Кульджи китайцамъ, то послѣдовали многочисленные адресы, въ которыхъ туземцы умоляли оставить ихъ въ русскомъ подданствѣ.

V.

ОКРЕСТНОСТИ КУЛЬДЖИ.

Развалины Новой Кульджи.—Поѣздка на озеро Сайрамъ-норъ.—Ущелье Талки.—Китайская императорская дорога.—Талкинскій перевалъ.—Ужасный ночлегъ.—Озеро Сайрамъ-норъ.—Китайскій городокъ Чинъ-панъ-дзи.—Каменноугольныя мѣстонахожденія близъ Кульджи.—Цѣлебный паровой источникъ.

Изъ Кульджи я сдѣлалъ нѣсколько экскурсій по окрестностямъ. Прежде всего я посѣтилъ развалины Новой Кульджи, лежащія на юго-востокъ отъ Суйдуна, въ двѣнадцати верстахъ, на правомъ берегу Или. Новая Кульджа была основана китайцами въ 1764 году, тотчасъ послѣ завоеванія Джунгаріи, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ находилась зимняя резиденція джунгарскихъ хановъ. Новый городъ назывался у китайцевъ Хой-юанъ-ченъ, а у среднеазіятцевъ и у насъ былъ извѣстенъ подъ именемъ Новой Кульджи. Этотъ городъ служилъ средоточіемъ управленія надъ всею покоренною Джунгаріею и восточнымъ (китайскимъ) Туркестаномъ, и сохранялъ свое значеніе до 1866 года, когда былъ разрушенъ до тла возставшими дунганами.

Мѣстность отъ Суйдуна до развалинъ носитъ на себѣ отпечатокъ запущенности и разоренія, хотя и до сихъ поръ ясно сохранились слѣды культуры, т. е. заброшенныя пашни, полузасыпанныя ирригаціонныя канавы, заглохшіе сады и т. п. Множество дорогъ до бывшаго города нынѣ почти совсѣмъ заросли травою.

Къ развалинамъ прилегаетъ обширное кладбище, на которомъ большая часть могилъ раскопана. Побѣдители-мусульмане вырывали трупы китайцевъ съ цѣлью воспользоваться одеждою богатыхъ покойниковъ (*).

Городъ состоялъ изъ обширнаго предмѣстья и крѣпости. Общее протяженіе его въ длину равнялось верстамъ шести или семи.

Необыкновенно грустное зрѣлище представляютъ развалины этого нѣкогда многолюднаго города! Путникъ проѣзжаетъ улицы, усѣянныя

(*) У китайцевъ и у калмыковъ существуетъ обычай класть въ могилу съ покойникомъ драгоцѣнныя вещи.

обломками кирпичей, битою посудою, полуистлѣвшими костями людей и животныхъ.

Въ цѣломъ сохранилось одно только зданіе — небольшая мусульманская мечеть. Все остальное тщательно разрушено. Въ домахъ разобраны не только потолки и крыши, но даже по нѣскольку стѣнъ снесено до основанія. Грунтъ въ домахъ и дворахъ перерытъ; видно, что побѣдители долго и усердно искали кладовъ и богатствъ. Особенно усердно разыскивались сокровища въ домѣ *дзянь дзюня* (генералъ-губернатора). Послѣдній, въ тотъ моментъ, когда городъ, послѣ двухлѣтней осады, былъ взятъ, кончилъ свою жизнь по-сарданапаловски: онъ задалъ большой обѣдъ, и когда, послѣ обѣда, ему доложили, что непріятель ворвался въ крѣпость, съ женами и домочадцами, среди своихъ сокровищъ, онъ взорвался на воздухъ.

Теперь отъ генералъ-губернаторскаго дворца уцѣлѣли однѣ фигуры львовъ передъ воротами, да передняя стѣна передъ домомъ, на противоположной сторонѣ улицы. На стѣнѣ еще и до сихъ поръ сохранилось изображеніе дракона, пожирающаго солнце.

Дома Кульджи, по большей части, были построены изъ сырцоваго кирпича; но многія общественныя и казенныя зданія (квартиры чиновниковъ) были изъ превосходнаго обожженаго кирпича. По этому кирпичу еще и теперь сохранились слѣды арабесковъ и орнаментовки. Стѣны домовъ зачастую выштукатурены и въ нѣкоторыхъ домахъ разрисованы довольно хорошо, т. е. съ соблюденіемъ перспективы. Рисунки изображаютъ цвѣты, деревья, животныхъ и людей.

Въ разрушенныхъ молельняхъ и до сихъ поръ важно засѣдаютъ толстобрюхіе идолы, но всѣ уже давно обезглавленные.

Въ сторонкѣ отъ города, на мысу образуемомъ рѣкою Или и крутымъ оврагомъ, виднѣются развалины русской факторіи. Факторія наша состояла изъ двухъ-этажнаго домика консула, хорошенькой церкви и нѣсколькихъ рядовъ лавокъ, и не избѣжала общей участи; но кто былъ настоящимъ виновникомъ ея разоренія (т. е. какая народность) и теперь остается неизвѣстнымъ. Нѣкоторые думаютъ, что факторія была разрушена самими китайцами.

По осмотрѣ кульджинскихъ развалинъ, мною были сдѣланы распоряженія на слѣдующій день для поѣздки на озеро Сайрамъ-норъ, лежащее къ сѣверу отъ Суйдуна за талкинскимъ переваломъ и славящееся своимъ живописнымъ мѣстоположеніемъ. На мое несчастіе ночью и все утро шелъ дождь; откладывать же поѣздку было нель-

зя, и я, невзирая на дурную погоду, отправился въ путь. Сопровождать меня взялся г. Б—чъ, черногорецъ, извѣстный въ краѣ своею неутомимостью въ верховой ѣздѣ.

Отъ Суйдуна до озера считается 65 верстъ, и я, выѣхавъ въ девять часовъ утра, до наступленія темноты расчитывалъ быть у цѣли. Дорога вела по мѣстности когда-то обработанной и славящейся своимъ плодородіемъ. Переваливъ черезъ невысокій песчаный кряжъ, дорога, на протяженіи верстъ двѣнадцати, шла по возвышенной равнинѣ, гладкой какъ биліардъ, примыкающей къ самой подошвѣ Талкинскаго хребта. Едва я въѣхалъ въ ущелье и перемѣнилъ лошадь, какъ утихнувшій-было дождь пошелъ снова. Мелкій, непріятный, точно осенній, дождь этотъ порядочно отравлялъ удовольствіе ѣзды по ущелью. По дну ущелья съ ревомъ и пѣною мчится рѣчка Талкинка, обнаруживающая, что паденіе подошвы ущелья значительно, хотя для ѣздока подъемъ и не кажется крутымъ. Здѣсь явственно сохранились слѣды большой китайской дороги, называвшейся «императорскою», которая вела изъ Кульджи въ Урумчи и далѣе до Пекина; нынѣ дорога эта совершенно заброшена, и мостики черезъ Талкинку развалились, такъ что въ большинствѣ случаевъ рѣчку приходится переѣзжать въ бродъ. Переѣздъ какъ по сохранившимся мостикамъ, изображающимъ изъ себя рѣшето, такъ и въ бродъ одинаково непріятенъ. Въ полную воду (въ серединѣ лѣта) Талкинка глубока; кромѣ того она течетъ по большимъ камнямъ, по которымъ лошадь скользитъ и спотыкается. Холодная ванна, которую рискуетъ принять переправляющійся черезъ рѣку, не такъ устрашаетъ, какъ опасность быть увлеченнымъ бѣшенымъ потокомъ.

Дорога мѣстами проходитъ по крутымъ косогорамъ, а мѣстами по карнизамъ, висящимъ надъ пропастью. Но здѣсь карнизы довольно широки и со стороны пропасти тщательно ограждены барьеромъ изъ нагроможденныхъ камней. Вдоль дороги, на нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга, сохранились остатки китайскихъ пикетовъ или станцій.

Видъ ущелья съ каждымъ шагомъ вглубь становится диче и грандіознѣе. Сѣрыя и красныя нагроможденія скалъ, зачастую нависшихъ надъ головою, имѣютъ самую причудливую форму. Каменныя ребра горъ, образующихъ ущелье, равно какъ и отдѣльныя скалы, покрыты растительностью. На болѣе низкихъ отклонахъ скалъ растутъ деревья, свойственныя теплому климату: абрикосы, карагачъ, яблони; повыше слѣдуетъ боярышникъ, рябина, талъ; потомъ является береза и, наконецъ, широкая полоса елей. Необыкновенно

странный видъ представляютъ эти скалы, поросшія лѣсомъ: небольшіе слои наносной почвы незамѣтны, чрезъ что глазу кажется, будто деревья растутъ прямо изъ камня.

Проѣхавъ верстъ двадцать пять ущельемъ, надобно подыматься уже черезъ самый перевалъ. Картины, представляющіяся здѣсь взору, еще грознѣе и величественнѣе. Съ каждымъ шагомъ подъемъ становится круче и круче. Выйдя изъ густой поросли елей, дорога поднимается по голымъ каменистымъ откосамъ. Лошадь моя карабкалась, цѣпляясь копытами за острые выступы камней. Подъемъ такъ крутъ, что черезъ каждые два, три шага лошадь останавливалась. Одинъ невѣрный шагъ ея—и можно было рисковать скатиться въ зіяющую бездну. Докучливый мелкій дождикъ моросилъ по-прежнему. Стало вечерѣть, и мнѣ уже немного оставалось до вершины перевала. На меня пахнуло зимнимъ холодомъ, и я увидѣлъ передъ собою крутую скалу, на которую надо было подняться, а по бокамъ ея, въ лощинахъ, снѣжныя полосы. Я оглянулся назадъ—ретивое мое ёкнуло: густая туча застлала сзади меня все пространство, такъ что мнѣ казалось, будто я висѣлъ въ воздухѣ. Спустя нѣсколько мгновеній, облако, разстилавшееся у моихъ ногъ, поднялось выше и обдало меня крупнымъ дождемъ. Пробираться вверхъ подъ сильнымъ дождемъ, въ полумракѣ, я не рѣшился, тѣмъ болѣе, что я былъ одинъ. Провожавшій меня, г. Б—чъ, гораздо ранѣе ускакалъ впередъ, съ цѣлью раздобыть юрту у киргизовъ. Не желая быть застигнутымъ почью на крутомъ каменистомъ откосѣ, я повернулъ назадъ, расчитывая встрѣтить отставшій вьюкъ и провести ночь въ лѣсной полосѣ, подъ елью. Внизъ лошадь пошла быстрѣе. Вотъ снова появились ели, а вьюка моего не оказывалось.... Лошадь прибавила ходу.... Мгла окутывала меня сильнѣе и сильнѣе; я все еще надѣялся встрѣтить вожделѣнный вьюкъ, а съ нимъ сухое платье, чай и провизію. Но, увы! дорога сразу потерялась въ темнотѣ, и я долженъ былъ остановиться на ночлегъ среди дикаго ущелья, даже и не подъ елью, весь мокрый и голодный. Дождь поливалъ меня сверху; сырость пронизывала насквозь; дрожа отъ холода, я, чтобы согрѣться, сталъ топтаться на мѣстѣ, держа въ то же время лошадь въ поводу. Вскорѣ дождь прошелъ. На небѣ зажглись звѣзды; но не до нихъ мнѣ было тогда. Я ждалъ съ нетерпѣніемъ утра. Едва забрежжилъ свѣтъ, такъ что можно было различать дорогу, я снова двинулся на приступъ къ перевалу, и, поднявшись на гребень, сразу увидѣлъ величественное, спокойное озеро, заключенное въ горной воронкѣ, точно въ чашѣ. Свѣтлая и прозрачная вода казалась какъ бы

расплавленною массою стекла, въ которомъ мягко отражался лазурный небосводъ.

Озеро, по разсказамъ, весьма глубоко и еще у китайцевъ называлось Сери-объ-норъ, т. е. «многоводное». Вода въ немъ слегка горькая; рыба, какъ и въ большей части горныхъ озеръ, не водится. Дно твердое, крупно-песчаное; берега плоскіе. Вся окружность озера простирается до шестидесяти верстъ. На вершинѣ перевала я встрѣтился съ г. Б—чемъ.

Сильно усталый и не имѣя возможности отдохнуть и оправиться на берегу озера, я повернулъ назадъ. Возвращаясь, я и въ этотъ день не встрѣтилъ своего вьюка; оказалось, что еще наканунѣ сопровождавшіе его люди заблудились и пошли по другой дорогѣ. Вскорѣ солнце меня высушило; разбитый, усталый, голодный, я еле-еле дотащился до Суйдуна, гдѣ и нашелъ отдыхъ подъ кровомъ гостепріимнаго г. Б—ча.

Возвращаясь изъ Суйдуна въ Кульджу, я посѣтилъ городокъ Чинъ-панъ-дзи, населенный исключительно китайцами. Жители, какъ этого городка, такъ и нѣкоторыхъ другихъ, находящихся въ Кульджинской провинціи, принадлежали, во время китайскаго владычества, къ военно-поселенному сословію. Китайское правительство издавна переселило ихъ сюда съ цѣлью удерживать отдаленную провинцію въ своихъ рукахъ; однако военные поселенцы не оправдали ожиданія: они не развили въ себѣ ни мужества, ни военнаго искуства. И во время возстанія мусульманъ, они первые бросали оружіе и спѣшили сдаваться. Благодаря своей преждевременной покорности, эти военнопоселенцы уцѣлѣли среди всеобщаго истребленія китайцевъ.

Жители Чинъ-панъ-дзи чрезвычайно бѣдны. Они добываютъ скудныя средства къ существованію путемъ ничтожной торговли. Все свободное время проводятъ въ праздности, куря опіумъ, весьма распространенный между ними. Обстановка въ домахъ самая убогая; грязь и нечистота производятъ отталкивающее впечатлѣніе. Между обывателями усматривается множество больныхъ глазами. Мрачная обстановка жилищъ, у которыхъ вмѣсто оконъ служатъ рѣшетки, заклеенныя бумагою, неопрятность и нечистота, нѣтъ сомнѣнія, вліяютъ не только на глаза, но и вообще на здоровье.

Къ числу небезъинтересныхъ окрестностей Кульджи слѣдуетъ отнести мѣстонахожденіе каменнаго угля, добыча котораго производилась здѣсь еще китайцами.

Разработка производится въ трехъ мѣстахъ: Пеличи, Могуйты и Готуль, отстоящихъ отъ Кульджи въ 10-ти, 15-ти и 20-ти верстахъ, по направленію къ сѣверо-западу, въ отрогахъ Талкинскаго хребта. Уголь невысокаго качества, особенно въ верхнихъ пластахъ, гдѣ онъ сильно землистый, на воздухѣ скоро разрушающійся и при горѣніи отдѣляющій много золы.

Разработка угля производится артелями рабочихъ, нанимаемыхъ за самую ничтожную плату капиталистами изъ дунганей или тарапчей. Средства для разработки первобытныя, подобныя тѣмъ, какія употребляются нашими крестьянами для добычи угля на югѣ Россіи. До послѣдняго времени продажная цѣна на уголь равнялась, на мѣстѣ, одной копѣйкѣ за пудъ, а съ перевозкою въ Кульджу — двѣ копѣйки. Нынѣ цѣна поднялась въ Кульджѣ до пяти и шести копѣекъ.

Перевозка производится на невысокихъ двухколесныхъ телѣжкахъ.

Все количество ежегодно добываемаго въ окрестностяхъ Кульджи угля простирается отъ 600,000 до 800,000 пудовъ.

Изъ окрестныхъ достопримѣчательностей Кульджи нельзя не упомянуть еще о «цѣлебномъ паровомъ источникѣ», отстоящемъ отъ Кульджи верстъ на пятнадцать, вблизи каменно-угольныхъ мѣстонахожденій.

Изъ земной разсѣлины выходятъ пары, имѣющіе, по разсказамъ туземцевъ, необыкновенную цѣлебную силу отъ всевозможныхъ болѣзней. Надъ мѣстомъ выхода паровъ еще китайцами устроена лачуга, съ пробитымъ маленькимъ отверстіемъ вмѣсто дверей. Температура паровъ такъ велика, что оставаться долго подъ ихъ вліяніемъ можетъ не всякій. Источникъ этотъ научно еще не изслѣдованъ.

Кульджа, 1872 г. 27-го іюня.

Л. Костенко.

Д 79-8/ 1755-1
802-18
711

ВОЕННЫЙ СБОРНИКЪ

ГОДЪ ПЯТНАДЦАТЫЙ

№ 12

ДЕКАБРЬ

СССР имени В.И. Ленина Воен. сект.

1872

СССР имени В.И. Ленина Воен. сект.
В-39-42467

ОЧЕРКИ СЕМИРѢЧЕНСКАГО КРАЯ.

(*Путевыя письма*).

(*Окончаніе*) (*).

VI.

ВЕРХНЕ-ИЛІЙСКІЙ КРАЙ.

Краткій географическій обзоръ Верхне-илійскаго Края.—Улькунтаускій хребетъ.—Племена обитающія на верхнемъ Или.—Манджурское племя—сибо.—Этнографическія данныя объ этомъ племени.—Таранчи.—Калмыки.—Торгоуты; нѣкоторыя данныя объ этомъ племени.—Киргизы-атабановцы и ихъ характеристика.

По выѣздѣ изъ Кульджи по направленію къ Музарту, мнѣ предстояло испытать множество затрудненій относительно пріисканія средствъ къ передвиженію. Тутъ уже не только почтовыхъ, но даже и вообще колесныхъ дорогъ не предвидѣлось. Предстояло ѣхать верхомъ.

Пространство къ югу отъ Кульджи, заключенное между рѣками Текесомъ и Или, интересно какъ въ географическомъ, такъ и въ этнографическомъ отношеніяхъ.

Рѣка Или составляется изъ сліянія двухъ быстрыхъ рѣкъ, Текеса и Кунгеса. Послѣдняя течетъ по направленію Или, т. е. отъ востока къ западу, тогда какъ первая, наоборотъ, имѣетъ общее направленіе отъ запада къ востоку, и, соединяясь съ Кунгесомъ верстахъ въ ста отъ Кульджи, образуетъ Или.

Пространство между Или и Текесомъ представляетъ страну, прорѣзанную вдоль длиннымъ, высокимъ, хотя и не вѣчно-снѣжнымъ хребтомъ, образующимъ водораздѣлъ этихъ рѣкъ.

Хребетъ называется Улькунъ-тау (длинныя горы), и съ

(*) См. «Военный Сборникъ» 1872 года № 11.

трудомъ проходимъ только чрезъ нѣсколько переваловъ, изъ которыхъ Чапчальскій одинъ изъ наиболѣе удобныхъ. Восточная часть этого хребта, называемая на мѣстномъ языкѣ Тогусъ-торау (девять урочищъ), значительно ниже. Здѣсь есть самый удобный (колесный) перевалъ Шарбогучи, существенный недостатокъ котораго только тотъ, что онъ слишкомъ далекъ отъ прямого сообщенія Кульджи съ Музартомъ.

Сѣверный склонъ Улькунъ-тау спускается тремя терасами къ рѣкѣ Или, образующими лѣвую сторону долины упомянутой рѣки, а южный склонъ развѣтвляется на нѣсколько отроговъ, теряющихся въ плоскихъ покатостяхъ, образующихъ правую сторону долины Текеса.

Улькунтаускій хребетъ, въ своихъ ущельяхъ, обильно поросъ ельникомъ. Кромѣ ели, въ болѣе низкихъ покатостяхъ горъ встрѣчаются еще рябина, кленъ и талъ; есть нѣсколько породъ и кустарниковъ. Въ лѣсахъ водятся, въ числѣ другихъ звѣрей, многочисленныя стада мараловъ. Вотъ эти-то моралы, водящіеся почти во всѣхъ горахъ и развѣтвленіяхъ Тянь-шана, любимѣйшая приманка туземцевъ, которые охотятся на нихъ изъ-за роговъ. Рога добываются только въ ту пору года, когда они мягки и содержатъ въ себѣ, по увѣренію китайцевъ, животворную кровь, поддерживающую и возбуждающую человѣческія силы. Рога на мѣстѣ продаются охотниками рублей за сто торговцамъ, которые, въ свою очередь, везутъ ихъ въ провинціи собственнаго Китая для выгоднаго сбыта.

По разсказамъ жителей, въ горы лѣтомъ забѣгаютъ изъ при-текескихъ камышей кабаны и тигры. Изъ гадовъ въ горахъ попадается довольно много змѣй, наносящихъ вредъ скоту. Горныя долины покрыты прекрасною травою, сохраняющеюся отъ выгоранія солнцемъ въ теченіе всего лѣта, вслѣдствіе чего онѣ и служатъ весьма привольнымъ мѣстомъ для киргизскихъ кочевокъ. Осѣдлые жители, населяющіе пространство къ сѣверу отъ хребта, на его терасахъ и по долинѣ Или, также посылаютъ въ горы своихъ лошадей на лѣто для поправки. И, дѣйствительно, животныя, забитыя, исхудалыя и измученныя работами зимой, отъѣдаются на привольныхъ пастбищахъ до такой степени, что дѣлаются неузнаваемы.

Населеніе описываемаго края еще разнообразнѣе, чѣмъ мѣстность. На небольшомъ, сравнительно, пространствѣ поселились самыя разнообразныя племена: манджурское, монгольское и тюркское.

Манджурское племя обитаетъ вдоль лѣваго берега Или, узенькою полосою, на большомъ арыкѣ (каналѣ), выведенномъ изъ Или, вер-

стахъ въ сорока выше Кульджи, и тянущемся верстъ на шестьдесятъ почти паралельно рѣкѣ. На этомъ арыкѣ, или вблизи его, еще во времена китайскаго владычества было поселено манджурское племя рода сибо. Сибо расположились въ укрѣпленныхъ городкахъ, тысячи по двѣ душъ, линіею, и составляли нѣчто въ родѣ военнаго поселенія. Ихъ обязанность заключалась исключительно въ томъ, чтобы держать въ порядкѣ населеніе верхне-илійской провинціи, собирать съ него подать, водить на казенныя работы, въ случаѣ недоимокъ продавать скотъ и дѣтей и т. д. Организацію они имѣли чисто-военную и пользовались значительнымъ на счетъ населенія содержаніемъ, вслѣдствіе чего, не подвергая себя большому труду, жили въ довольствѣ и достаткѣ.

Все поселенное племя сибо состояло почти исключительно изъ однихъ чиновниковъ, старшихъ и младшихъ, такъ, что меньшіе подчинялись большимъ, большіе еще большимъ и т. д.

Во главѣ поселеннаго войска стоялъ укурдай (высшій чинъ, съ краснымъ шарикомъ на шапкѣ, соотвѣтствующій чину генерала). У укурдая было нѣсколько ильгидаевъ (помощниковъ). Ильгидаи надсматривали за зянгами (темно-синій шарикъ, соотвѣтствующій чину полковника). Зянги держали въ повиновеніи нуръ-зянги. Послѣднимъ подчинялись ха. Затѣмъ слѣдовали фунде-божко, дамга-божко, шюдоры, божко и, наконецъ, капшины.

Всякій чинъ выѣзжалъ всегда сопровождаемый подчиненными ему низшими чинами, которые, слѣдуя въ хвостѣ своего принципала, въ свою очередь были сопровождаемы собственными сателитами.

Предоставляю воображенію читателя судить, съ какою свитою долженъ былъ выѣзжать самый старшій — укурдай. Человѣкъ 60—70, это была самая скромная свита, какую позволялъ себѣ важный китайскій сановникъ, выѣзжавшій за-просто.

Такой порядокъ подчиненности сохранялся между поселенцами сибо до прошлаго года, когда русскія войска заняли Кульджинскую провинцію. Русскія власти изъ многихъ ступеней чиновничества оставили только укурдая, низведеннаго на степень волостного управителя, и зянги, сравненнаго въ правахъ съ аульнымъ или сельскимъ старшиною.

Свое значеніе манджурскіе чиновники въ Верхне-илійской провинціи потеряли лѣтъ восемь тому назадъ, послѣ китайскаго погрома, когда имъ пришлось жить уже собственнымъ трудомъ, вслѣдствіе чего они обѣднѣли, чему также много способствовало и ограбленіе ихъ возставшими народностями.

*

Но за то, по крайней мѣрѣ, имъ оставалось хоть одно утѣшеніе — сохранить прежніе чины и титулы. Вотъ причина, почему сибинцы такъ обрадовались, когда узнали о пріѣздѣ китайскаго дзянь-дзюня (генералъ-губернатора) въ Сергіополь для переговоровъ относительно передачи Кульджинской провинціи пекинскому правительству. Несмотря на то, что вопросъ о передачѣ еще не рѣшенъ, дзянь-дзюнь нашелъ въ сибинскихъ чиновникахъ самыхъ ревностныхъ исполнителей своихъ преждевременныхъ распоряженій въ принадлежащемъ ему краѣ. Онъ держитъ себя какъ настоящій генералъ-губернаторъ и сталъ повышать сибинцевъ «шариками» (т. е. чинами), облагать ихъ разными повинностями, а послѣдніе изподтишка исполняютъ его волю въ радостной надеждѣ, что они скоро заживутъ по-прежнему.

Я посѣтилъ нѣкоторые изъ сумуновъ (*) (городовъ) сибо, чтобы посмотрѣть чистую, безпримѣсную жизнь манджурскаго населенія.

Всѣ городки обнесены четырехугольною стѣною и довольно правильно расположены: главная прямая и широкая улица ведетъ отъ однихъ городскихъ воротъ къ другимъ; въ противоположной стѣнѣ городки, хотя и бѣдны, но довольно чисты, т. е. вовсе не такъ грязны и неопрятны, какъ видѣнные мною китайскіе города и села. Деревянные, либо глиняные дома китайской архитектуры построены въ углубленіи четырехугольныхъ дворовъ, и для того, чтобы прохожій по улицѣ сквозь ворота не могъ видѣть что дѣлается въ домѣ, позади воротъ устроены глиняные траверсы, или экраны, защищающіе и обывателей отъ нескромныхъ взоровъ. У воротъ, сбоку, глиняные шкафчики, въ которыхъ вставляются иконы, совершенно такъ, какъ это дѣлается въ христіанскихъ странахъ на дорогахъ. Иконы во всемъ напоминаютъ христіанскія. Святые точно также изображаются съ золотыми ореолами, благословляющими народъ. Только типы святыхъ, разумѣется, иные, чѣмъ нашихъ.

Передняя стѣна въ домахъ, до половины рѣшетчатая, заклеивается бумагою. На лѣто рѣшетчатая часть снимается. Рѣшетчатыя окна въ задней стѣнѣ также открываются лѣтомъ, вслѣдствіе чего образуется вентиляція, и въ компатахъ воздухъ довольно чистый.

Въ каждомъ сумунѣ одна или двѣ молельни съ громадными, больше человѣческаго роста, идолами. Идолы изображаются въ одеждахъ, расписанныхъ самыми яркими красками. Главный идолъ всегда сидитъ на почетномъ мѣстѣ, а по бокамъ стоитъ свита изъ различныхъ лицъ (свирѣпыхъ воиновъ, секретарей и пр.). При молельняхъ всегда бываютъ колокола и большіе чугунные жертвенные сосуды.

(*) «Сумунъ»—означаетъ полкъ.

Иногда въ молельняхъ, вмѣсто большихъ бурхановъ, устанавливаются маленькіе, металическіе. Въ такихъ случаяхъ бурханы выставляются какъ куклы. На почетномъ мѣстѣ возсѣдаетъ самъ далай-лама, за нимъ слѣдуетъ масса другихъ идоловъ, изображающихъ различныя божества, причемъ качество ихъ выражается самымъ грубымъ и первобытнымъ способомъ: такъ, напримѣръ, сила олицетворяется множествомъ рукъ, всевѣдѣніе—множествомъ глазъ; благость—благословеніемъ и пр. Есть изображенія и такихъ божествъ, которыя не могутъ быть предметомъ описанія.

Передъ бурханами, въ особыхъ металическихъ, либо деревянныхъ сосудахъ, ставятся яства, вода и курево. На мой вопросъ: зачѣмъ выставлено все это? мнѣ отвѣчали:

— «Люди не могутъ обойтись безъ пищи и питія, слѣдовательно тоже самое нужно и богамъ».

Въ каждомъ сумунѣ приходская школа, въ которой обучаются всѣ мальчики городка. Преподается чтеніе, письмо и изрѣченія Конфуція. Грамота, какъ извѣстно, у манджуровъ своя особая, совершенно отличная отъ китайской. Въ школахъ, на стѣнахъ, на самомъ видномъ мѣстѣ, развѣшиваются различныхъ размѣровъ загнутыя плоскія палки и масса деревянныхъ дощечекъ, на которыхъ обозначено сколько ударовъ и какого вѣса палкою нужно наносить ученику, смотря по его винѣ и возрасту. Крайній формализмъ, какъ видно, лежитъ и въ основѣ обученія.

Домашняя жизнь самая патріархальная. Жена и дѣти въ безусловномъ повиновеніи у отца.

Право этикета требуетъ сохраненія постоянной важности и молчаливости. Въ гостяхъ говорить мало и смотрѣть по-возможности тупо и безстрастно въ неопредѣленное пространство, не выражая на лицѣ никакихъ ощущеній, считается верхомъ хорошаго тона.

Въ одномъ изъ сумуновъ я посѣтилъ самаго ученаго и вліятельнаго манджура, истаго представителя манджурской интелигенціи. Будучи человѣкомъ неглупымъ отъ природы, ученый сибинецъ, относительно образованія съ европейской точки зрѣнія, не выдерживаетъ никакой критики. На столѣ у него лежало съ десятокъ книгъ. Я взялъ первую попавшуюся въ руки и черезъ переводчика узналъ, что то была книга въ родѣ нашего «Мартына-Задеки», книга, трактующая о хорошихъ и худыхъ мѣсяцахъ, дняхъ, часахъ и минутахъ. Она назначалась въ назиданье, когда можно приняться за какое дѣло

для того, чтобы дѣло вышло успѣшнымъ. Другая книга трактовала «о правилахъ обхожденія и о различныхъ церемоніяхъ» и т. д.

Чинность, господствующая въ семействахъ, господствуетъ и внѣ дома. На улицахъ полная тишина и спокойствіе.

Мужчины и женщины, одинаково съ трубками въ зубахъ, въ свободное время важно расхаживаютъ по улицамъ. Разговоръ ведется тихо, не вскрикивая, съ посовымъ, мягкимъ акцентомъ.

Хотя населеніе сибо въ настоящее время и бѣдно, вслѣдствіе причинъ изложенныхъ выше, но, будучи трудолюбиво, оно, съ упроченіемъ твердой власти, безъ сомнѣнія возвратитъ потерянное. Населеніе отличается, кромѣ того, доброю нравственностью: не случается не только кражъ и грабежей, но даже дракъ и другихъ менѣе важныхъ проступковъ. Цѣломудріе соблюдается во всей строгости.

За сибо, на средней терасѣ, образуемой сѣвернымъ склономъ Узунтаускаго хребта, болѣе широкою полосою тянется другое осѣдлое племя тюркское—таранчи. Это старые знакомые наши сарты, населяющіе Ташкентъ, Чемкентъ и другіе города Туркестана.

Управленіе между таранчами введено согласно проекту положенія объ управленіи Туркестанскимъ Краемъ, т. е. оставлены туземныя власти и прежній порядокъ и только сдѣланы нѣкоторыя приспособленія.

Таранчинское населеніе, угнетаемое китайцами и манджурами до 1866 года, съ этого времени нѣсколько оправилось, ограбивъ и разоривъ своихъ притѣснителей. Теперь хотя таранчи и живутъ бокъ-о-бокъ съ своими прежними врагами-сибо, но непріязненныхъ чувствъ не обнаруживаютъ и никакихъ, сколько-нибудь важныхъ, враждебныхъ столкновеній между ними не случается. Таранчи, будучи мусульманами, даже въ дѣлѣ религіи успѣли пріобрѣсти нѣкоторую терпимость, и не выказываютъ презрѣнія къ чуждому и странному для нихъ вѣроисповѣданію.

Рядомъ съ сибо и таранчами, только правѣе, по нижнему Текесу, кочуютъ калмыки, рода шамнеровъ, управляемые однимъ ильгидаемъ и четырьмя зянгами. Калмыки эти, разоренные во время возстанія дунганъ и таранчей, очень бѣдны.

Правѣе калмыковъ, по правую сторону Текеса, на верхнемъ Кунгесѣ, живутъ торгоуты, народъ монгольскаго племени, родственный калмыкамъ. Торгоуты пришли въ концѣ 1870 года, въ числѣ 1,500 юртъ, съ своею ханшею во главѣ (ханъ остался въ Улясутаѣ), прося нашего покровительства и заступничества отъ преслѣдованій Якубъ-бека. Это племя замѣчательно своею бродячестью. Еще въ

прошломъ вѣкѣ оно обитало на Волгѣ, признавая русское подданство; потомъ укочевало въ китайскіе предѣлы, подпало подъ власть кашгарскаго правителя и теперь опять ищетъ нашего подданства. Часть торгоутовъ еще осталась въ Юлдузскихъ горахъ, и, по всей вѣроятности, со временемъ также прибудетъ къ нашимъ границамъ, подъ русскую защиту.

Большая часть прибывшихъ торгоутовъ состоитъ изъ чиновниковъ, во главѣ которыхъ находится первый совѣтникъ и помощникъ хана, бейле Баирта-Гурджанъ, человѣкъ ограниченнаго ума и потому не пользующійся вліяніемъ. За нимъ слѣдуетъ второй помощникъ, гунъ Маджикъ-Дарджи—настоящій правитель торгоутовъ; онъ, по неспособности бейле, владѣетъ даже ханскою печатью. Третій помощникъ хана—засыкъ Ирджени. Должность хана и его помощниковъ наслѣдственна; родственники ихъ принадлежатъ къ привилегированному сословію—тайджи (дворяне).

Въ вѣдѣніи каждаго изъ этихъ трехъ помощниковъ состоитъ по нѣсколько подчиненныхъ чиновниковъ, у которыхъ, въ свою очередь, имѣются свои младшіе чины и т. д.

Сумунами (полками) управляютъ зянги съ помощью двухъ кондобожко и четырехъ бекчинъ-божко. Зянги, кромѣ административной власти, пользуются и судебною по проступкамъ и искамъ, не превышающимъ стоимости двадцати пяти барановъ. Въ случяхъ спорныхъ, либо превышающихъ стоимость 25-ти барановъ, дѣло разбирается выборнымъ судьею, гузда. Очистительная присяга въ сомнительныхъ случаяхъ производится слѣдующимъ образомъ: отвѣтчикъ, смотря по состоянію, закалываетъ чернаго быка или козла и шкуру животнаго раскладываетъ передъ бурханомъ (идоломъ); на шкуру кладутъ сердце убитаго животнаго, и принимающій присягу долженъ съѣсть это сердце.

Высшая судебная власть принадлежитъ совѣту, назначаемому въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ ханомъ, и состоящему изъ пяти гузда, подъ предсѣдательствомъ тузулакчи (старшаго чиновника по судебной части).

Матеріяльные убытки всегда вознаграждаются вдвойнѣ и втройнѣ на счетъ виновнаго. Обиды, безчестіе и другія личныя оскорбленія караются тѣлесными наказаніями: бьютъ нагайками, надѣваютъ на шею деревянную колоду на мѣсяцъ и даже на годъ и водятъ въ ней виновнаго по ауламъ. Въ случаѣ неисправности виновнаго, совѣтъ клеймитъ его раскаленнымъ желѣзомъ, а въ крайнихъ случаяхъ,

по опредѣленію хана, выкалываетъ глазъ, или же переламываетъ руку.

Духовными дѣлами завѣдываетъ гескюй-лама (старшій лама), назначаемый ханомъ ламъ (священниковъ), которыхъ такъ же много какъ и чиновниковъ. Они пользуются почетомъ и уваженіемъ за свою грамотность, и носятъ привилегированный цвѣтъ платья (желтый). Каждое семейство считаетъ долгомъ одного изъ своихъ членовъ предназначать въ ламы. Старшій лама наблюдаетъ за нравственностью подчиненныхъ ламъ, за правильностью и непрерывностью богослуженія въ молельняхъ (*) и пр.

Если лама сдѣлалъ недостойный его званію поступокъ, то его приводятъ къ бурхану, изображающему бога той добродѣтели, противъ которой провинился согрѣшившій, нагибаютъ его голову и гескюй-лама бьетъ виновнаго по спинѣ желѣзною тростью. Наказанный такимъ образомъ лама считается разстриженнымъ; но къ подобнымъ мѣрамъ у торгоутовъ прибѣгаютъ чрезвычайно рѣдко: ламы, да и все торгоутское населеніе, отличаются доброю нравственностью и гуманностью. Несмотря на послѣдовательное ограбленіе ихъ дунганами, киргизами и кашгарцами, слѣды матеріяльнаго довольства у торгоутовъ сохранились и понынѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что, подъ сѣнью русской власти, торгоуты, при свойственномъ имъ трудолюбіи и доброй нравственности, успѣютъ, путемъ труда, съ лихвою возвратить потерянное.

По южную сторону Узунтаускаго хребта живетъ еще одинъ кочевой народъ тюркскаго племени — киргизы, или, правильнѣе, «казаки». Это обломки Большой Орды, принадлежащіе къ племени атбановъ и раздѣляющіеся на слѣдующіе роды: айты, бузумы, альджаны и конурбуки. Они, какъ и торгоуты, замѣчательны тѣмъ, что проходили большія пространства, отыскивая мѣста, гдѣ бы лучше пріютиться.

Находясь сперва въ русскомъ подданствѣ, атбаны, вскорѣ по присоединеніи Большой Орды къ Россіи, откочевали въ китайскіе предѣлы, а потомъ жили подъ властью таранчей (съ 1866 года), относившихся къ нимъ благосклонно, какъ къ своимъ единовѣрцамъ.

Нападеніе на наши пограничные пункты, съ цѣлью угона скота, вынуждало русскую власть требовать у кульджинскаго султана наказанія ихъ и запрещенія продолжать безпорядки на нашихъ границахъ. Кульджинскій султанъ, боясь съ одной стороны нашихъ угрозъ, а съ другой не будучи въ состояніи удерживать въ повиновеніи

(*) Богослуженіе не прерывается съ ранняго утра до поздняго вечера.

лихихъ батырей, или, попросту, грабителей, переселилъ ихъ на сѣверную сторону хребта, гдѣ они должны были кочевать между поселеніями таранчей, подъ личнымъ надзоромъ султана.

Такъ какъ травы здѣсь скуднѣе, то атбаны, не находя достаточныхъ средствъ для прокормленія своихъ стадъ, стали бѣднѣть. Когда же въ прошломъ году русскія войска заняли Кульджу, киргизы эти, боясь русскаго гнѣва и мести, бросились было бѣжать черезъ Узунтаускія горы, съ цѣлью укрыться въ кашгарскихъ предѣлахъ. Бѣгство было столь поспѣшно, что бѣглецы побросали по дорогѣ почти весь свой скарбъ: юрты, одежду и проч. Посланный вслѣдъ за ними русскій офицеръ успѣлъ ихъ нагнать и успокоить.

Атбанамъ разрѣшено поселиться на ихъ прежнихъ мѣстахъ кочевокъ, отличающихся обильнымъ кормомъ для скота. Теперь киргизы эти отбросили свои старыя привычки и стали жить мирно. Баранта (угонъ скота) уже не считается подвигомъ, а преслѣдуется какъ простой грабежъ и воровство.

Атбаны управляются, какъ и всѣ подвластные намъ киргизы, черезъ аульныхъ старшинъ и волостныхъ управителей. Судебная часть находится въ рукахъ выбираемыхъ народомъ біевъ.

Родъ преступленій, наиболѣе часто встрѣчающійся между ними, состоитъ въ воровствѣ лошадей. Кромѣ того, русской администраціи приходится нерѣдко выслушивать жалобы на нихъ по прежнимъ счетамъ съ калмыками. Во время китайскаго разгрома, калмыки, наравнѣ съ китайцами, были разграблены; въ это же время не только скотъ, но и дѣти калмыковъ были захватываемы киргизами. Теперь калмыки стали являться къ русскимъ властямъ, прося ихъ возвратить отнятыхъ когда-то родственниковъ. Случай жалобы въ подобномъ родѣ происходилъ однажды при мнѣ. Одинъ калмыкъ умолялъ начальника уѣзда возвратить его сестру, отнятую киргизами еще ребенкомъ семь лѣтъ тому назадъ. Произведено было разслѣдованіе; предъявлена дѣвочка лѣтъ пятнадцати, но, странное дѣло, дѣвочка стала отрекаться отъ своей родни, и, въ свою очередь, умоляла оставить ее между киргизами.

Киргизы, какъ и всѣ вообще азіятскія народности, отличаются мягкостью права, добродушіемъ и гостепріимствомъ. Семейныя добродѣтели, т. е. любовь между членами семьи, у нихъ сильно развиты. Въ этомъ смыслѣ, киргизы суть истые представители семейнаго или родового начала, построеннаго на чисто-патріархальныхъ отношеніяхъ.

Изъ всѣхъ народностей, составляющихъ разноплеменное населеніе

вновь занятой кульджинской провинціи, киргизы болѣе другихъ обезпечены матеріяльно. Они безъ всякаго обремененія внесли контрибуцію, наложенную на нихъ русскимъ правительствомъ, въ возмѣщеніе военныхъ издержекъ, вызванныхъ, главнѣйшимъ образомъ, киргизами.

Подати вносятся ими также исправно, безъ всякихъ недоимокъ. Впрочемъ, въ этомъ отношеніи, во всемъ туркестанскомъ краѣ нетолько кочевое населеніе, но и осѣдлое, одинаково отличаются исправностью въ платежѣ налоговъ, чему много способствуетъ раціональная система взиманія податей, а именно: опредѣленная подать раскладывается правительствомъ на цѣлую административную единицу (волость), гдѣ она уже распредѣляется между семьями по приговору самого общества. Такимъ образомъ случается, что одно семейство платитъ 200 — 300 рублей, тогда какъ другое ничего не платитъ. Благодаря этой системѣ взиманія податей, въ туркестанскомъ краѣ еще не было примѣра, чтобы происходили недоимки.

VII.

МУЗАРТЪ.

Хребетъ Музартъ или Мустагъ.—Ущелье Музартъ. — Горная рѣчка Уртень-музартъ.—Растительность музартскаго ущелья.—Животныя, населяющія ущелье.—Слѣды человѣческихъ рукъ въ ущельѣ.—Характеръ пути по ущелью. — Первые ледники.—Перевалъ Музартъ.—Южный склонъ перевала.—Ледяное море.—Кашгарскій пикетъ Мазаръ башъ (могильная голова). — Дорога по южному склону ущелья.

Подъ именемъ Музарта или Мустага извѣстна наиболѣе высокая часть тянь-шанскаго хребта, вершины котораго завалены громадными ледниками. Слово музартъ въ переводѣ съ тюркскаго означаетъ «ледяной хребетъ», а слово мустагъ — «ледяныя горы». Черезъ этотъ хребетъ лежитъ кратчайшій путь изъ Кульджи въ городъ Аксу, составляющій нынѣ вторую столицу Кашгаріи или Восточнаго Туркестана. Ущелье и перевалъ, по которому пролегаетъ этотъ путь, называются по имени хребта.

По разсказамъ туземцевъ и по описанію китайскаго географа прошедшаго столѣтія, музартскій перевалъ изображался столь ужаснымъ, что его можно было скорѣе причислить къ области миѳовъ, порожденныхъ пылкою фантазіей Востока. Такъ, китайскій географъ разсказываетъ, между прочимъ, что въ этомъ ущельѣ есть огромная ледяная гора, въ которой надо высѣкать ступеньки, чтобы, хотя съ трудомъ, можно было подвигаться впередъ.

Изъ европейцевъ еще никто не проходилъ музартскаго ущелья

насквозь. До половины обслѣдовалъ его въ прошломъ (1871) году генеральнаго штаба капитанъ (нынѣ подполковникъ) Шепелевъ, который произвелъ съемку ущелья и сдѣлалъ топографическое описаніе. Въ нынѣшнемъ году мнѣ также удалось пройти ущелье до половины, т. е. до перваго кашгарскаго пикета Мазаръ-башъ, расположеннаго на южномъ склонѣ хребта, у отвѣснаго ледянаго спуска, въ которомъ, дѣйствительно, вырубаются ступеньки.

Музартское ущелье образуется прорывомъ двухъ быстрыхъ рѣчекъ, текущихъ съ вершины перевала въ разныя стороны. Та, которая течетъ по сѣверному склону хребта, называется Уртень-музартъ, т. е. «пикетный Музартъ.» Она названа такъ потому, что на ней нѣкогда стояли китайскіе пикеты.

Уртень-музартъ беретъ начало въ 49-ти верстахъ отъ выхода изъ ущелья, изъ ледника, находящагося близъ сѣдла перевала. Молочныя воды рѣки съ шумомъ и пѣною мчатся по дну, устланному огромными камнями. Черезъ большіе камни рѣчка перепрыгиваетъ, обтачивая ихъ, а малые уноситъ теченіемъ. Спустившись съ гребня перевала, рѣчка вскорѣ разбивается на многіе рукава, придерживаясь, однако, главнымъ своимъ русломъ праваго бока ущелья.

Музартское ущелье имѣетъ сперва направленіе на юго-востокъ и отъ впаденія въ Уртень-музартъ съ обѣихъ сторонъ двухъ рѣчекъ, Маралты, поворачиваетъ на юго-юго-востокъ до впаденія въ ту же рѣку горнаго потока Арчалы-карачатъ. На всемъ этомъ протяженіи (сорокъ верстъ) характеръ ущелья иной, чѣмъ послѣдующая часть, ведущая къ перевалу и далѣе.

Эта первая часть ущелья никакого серьезнаго препятствія для движенія ни лѣтомъ, ни зимою не представляетъ. Ее даже можно было бы приспособить для колесной ѣзды. Она необыкновенно живописна и съ каждымъ шагомъ поражаетъ глазъ новыми видами.

При началѣ ущелье широко и скалистыя горы, сжимающія его, не такъ высоки; онѣ мало поросли деревьями. Въ четырехъ верстахъ отъ входа, при впаденіи въ Уртень-музартъ съ юга довольно значительной рѣки, Малаго Музарта, сохранились слѣды китайскаго редута, и тутъ же, возлѣ, нѣкогда водруженъ вертикально огромный гранитный камень съ сдѣланною на немъ надписью, вглядываясь въ которую замѣчаешь, что невѣдомыя письмена начертаны глубокою древностью. Здѣсь находится еще одна достойная замѣчанія особенность музартскаго ущелья. Я говорю о небольшой березовой рощицѣ, пріютившейся на низменномъ берегу, при сліяніи съ Уртень-музартомъ Малаго Музарта. Однако деревья этой рощицы нисколько

не напоминаютъ русской березы: это какія-то тощія, жиденькія, хотя и довольно высокія деревца, съ коричневою корою, съ мелкимъ листомъ и рѣдкими вѣтвями. Затѣмъ на всемъ протяженіи лѣсной полосы ущелья, береза встрѣчается весьма рѣдко, либо въ видѣ кустарника, либо въ видѣ отдѣльнаго деревца.

Отъ березовой рощицы ущелье принимаетъ все болѣе и болѣе живописный видъ. Скалистыя щеки правой стороны сплошь поросли елями, тогда какъ лѣвая сторона почти обнажена. Деревья и растительность на этой сторонѣ появляются только въ малыхъ поперечныхъ щеляхъ или, правильнѣе, ложбинкахъ.

Преобладающее дерево лѣсной полосы — пихта. Стройное и высокое дерево это, на какихъ бы крутыхъ покатостяхъ ни росло, всегда подымается вертикально кверху, и только у самаго подножія замѣчается небольшой выгибъ; видно, что тутъ происходила борьба, такъ сказать, внутренней силы роста, выгонявшей дерево перпендикулярно наклону почвы, и силы теплоты и свѣта, вытягивавшихъ растеніе, точно по отвѣсу, кверху. Иглы у музартской, какъ и вообще у средне-азіятской ели, короткія и мягкія. Онѣ густо облегаютъ вѣточку, которая вслѣдствіе тяжести повисаетъ книзу. Книзу же висятъ и фіолетовыя шишки, точно лакомства, привѣшенныя на рождественской елкѣ.

Затѣмъ, въ музартскихъ лѣсахъ, кромѣ ели и березы, замѣчается только рябина, совершенно похожая на русскую. Изъ крупныхъ кустарниковъ, достигающихъ иногда размѣра деревьевъ, здѣсь попадаются таволга и боярышникъ, и особенно распространенъ тюя-кую-рюкъ (верблюжій хвостъ), появляющійся въ изобиліи въ возвышенной части лѣсной полосы, какъ признакъ скораго прекращенія лѣсовъ и крупной растительности. Въ низкихъ частяхъ лѣсной зоны, тюя-кую-рюкъ попадается въ видѣ высокаго (до двухъ саженъ) ствола, толщиною до двухъ дюймовъ, густо обсаженнаго въ верхней половинѣ листьями и колючками. Изъ другихъ кустарниковыхъ породъ произрастаютъ дикая смородина, барбарисъ и можжевельникъ.

Породы травъ въ ущельѣ болѣе многочисленны, чѣмъ породы деревьевъ и кустарниковъ, такъ что встрѣчающіяся по пути поляны, испещренныя самыми разнообразными полевыми и луговыми цвѣтами, представляются какъ бы коврами, сотканными роскошною растительностію.

Въ музартскихъ лѣсахъ въ изобиліи водятся моралы, дикія козы, горные бараны съ громадными рогами (архары), волки, зайцы, темнобурыя лисицы, куницы. Кромѣ того, встрѣчаются медвѣди, рыси, дикіе кабаны и барсы, заходящіе изъ притекескихъ кустовъ и камышей. Звѣрей такъ много, что покатости горъ перепутаны, точно сѣтью, тропинками, протоптанными животными.

Изъ птицъ, между прочими, обитаютъ здѣсь грифы, орлы, беркуты, коршуны. Замѣчательно, что слѣдовъ человѣческихъ въ ущельѣ замѣчается меньше, чѣмъ слѣдовъ звѣрей и птицъ. Кромѣ камня и остатковъ редута, о которыхъ сказано выше, изъ дѣлъ рукъ человѣческихъ остались еще развалины небольшого китайскаго пикета Удюнгей, имѣвшаго видъ русской бревенчатой избы, да три или четыре мостика, возобновленные русскими. Особенно интересны два жердяные мостика, въ шести верстахъ отъ входа въ ущелье, переброшенные черезъ выступы въ скалѣ и висящіе надъ зіяющею пропастью, на днѣ которой глухо шумитъ бѣшеный Музартъ. Туземцы заходятъ въ ущелье для охоты, преимущественно на моралов. Зимою и осенью по ущелью проходятъ изъ Кульджи караваны (на лошадяхъ) по пути въ Аксу и Кашгаръ, но не обратно, по причинамъ, которыя будутъ изложены ниже.

Дорога въ лѣтнее время, по описываемой мною части ущелья, представляетъ много привлекательности. Она сперва на значительномъ протяженіи идетъ вдоль лѣваго берега Музарта и вьется живописно то по узкимъ карнизамъ на покатостяхъ горъ, то по лугамъ, испещреннымъ цвѣтами, то по еловымъ рощамъ, оглашаемымъ щебетаніемъ птицъ, либо по пространнымъ равнинамъ, открывающимъ необыкновенно живописную панораму вдаль. Такое зрѣлище представляется, между прочимъ, по серединѣ пути, вблизи впаденія рѣчки Тосты въ Уртень-музартъ. Здѣсь долина рѣки Музарта расширяется до одной версты и передъ глазами путника появляется громадный остовъ Тянь-шана въ видѣ гигантскихъ пиковъ, сплошь убѣленныхъ снѣгомъ.

На всемъ протяженіи описываемаго мною пути, только одно, сравнительно малое, неудобство приходится испытывать путнику: это большіе и малые каменья, подчасъ заваливающіе дорогу, и среди которыхъ лошадь должна ступать съ большою осторожностью. Между различными породами камней встрѣчается и мраморъ, громадные куски котораго иногда представляются какъ бы перукотворными памятниками, воздвигнутыми самою природою.

Верстахъ въ тридцати отъ входа въ ущелье, надобно переѣзжать въ бродъ черезъ Уртень-музартъ и слѣдовать правымъ берегамъ его. За устьемъ рѣки Тосты ущелье расширяется еще болѣе и доходитъ до полуторы и даже до двухъ верстъ ширины. Подъемъ

становится чувствительнѣе, растительность уменьшается; ели рѣдѣютъ и, вслѣдствіе перемѣны направленія ущелья къ югу, растутъ одинаково на обоихъ склонахъ горъ. Кусты тюя-кую рюка мельчаютъ, достигая высоты одного аршина. Дорога на протяженіи верстъ семи проходитъ по плоскимъ предгорьямъ восточнаго склона, носящимъ названіе урочища Ханъ-яйлягъ. Это урочище названо такъ потому, что въ прежнее время здѣсь пасся китайскій скотъ. Дѣйствительно, болѣе привольнаго мѣста для пастьбы, кажется, трудно себѣ представить.

При впаденіи рѣчки Арчалы въ Уртень-музартъ, ущелье упирается въ главный остовъ Тянь-шана, далѣе круто поворачиваетъ на западъ и пріобрѣтаетъ другой характеръ. Здѣсь лѣсное царство прекращается и наступаетъ царство ледниковъ.

Не доѣзжая до поворота музартскаго ущелья на западъ, должно опять переходить на лѣвый берегъ рѣки, и затѣмъ уже до самаго истока ея дорога слѣдуетъ то правымъ, то лѣвымъ берегомъ.

Поворачивая на западъ, ущелье пріобрѣтаетъ видъ возвышенной долины или продолговатой котловины, имѣющей до пяти верстъ длины и до одной версты ширины, и ограниченной съ сѣвера крутымъ скалистымъ откосомъ снѣжнаго хребта, составляющаго какъ бы отломокъ главнаго, въ свою очередь ограничивающаго котловину съ южной стороны. Вотъ въ эту-то котловину съ трехъ сторонъ впадаютъ пять ледниковыхъ рукавовъ. Первый, самый большой, движется съ востока и образуется изъ нѣсколькихъ источниковъ: онъ запираетъ котловину съ восточной стороны, занимая дно ея на пространствѣ, по крайней мѣрѣ, одной версты. Главный рукавъ этого ледника, спускаясь съ высотъ, поворачиваетъ на сѣверъ, даетъ начало бѣшеному ручью Арчалы, впадающему въ Уртень-музартъ, и тутъ же, саженихъ въ 50-ти отъ истока Арчалы, низвергается изъ-подъ ледника, какъ изъ подъ тонеля. Морена, выпяченная ледникомъ на сѣверъ, столь стара, что успѣла покрыться наносомъ и порости елью. Дальнѣйшее движеніе морены простирается на западъ. Второй ледникъ течетъ съ сѣвера на югъ. Онъ тянется сравнительно малою ниткою по узкому ущелью и доходитъ только до половины покатости. Выпираемые имъ щебень и обломки скалъ дошли, однако, до подошвы котловины. Третій ледникъ, также двигающійся съ сѣвера на югъ, спускается гораздо ниже и предшествующіе ему обломки скалъ и мусоръ съуживаютъ котловину до нѣсколькихъ саженъ. Здѣсь западная часть крутой покатости, образовавшейся осыпями скалъ, вслѣдствіе движенія ледника, въ теченіе вѣковъ покрылась наносною почвою, поверхъ которой разрослась небольшая еловая роща—послѣдній, такъ сказать, передовой пунктъ лѣсной растительности на Тянь-шанѣ. Дальше уже не встрѣчается не только деревца, но и кустика. Здѣсь, даже въ самую жаркую пору года, ночи бываютъ холодныя и къ утру появляется морозъ.

Четвертый ледникъ спускается въ описываемую долину по ущелью перевала, по которому лежитъ путь, и гдѣ дорога опять круто мѣняетъ свое направленіе къ югу. Пятый ледникъ двигается съ запада и запираетъ долину съ этой стороны, у впаденія въ Уртень-музартъ небольшой рѣчки Тура-су. Такимъ образомъ, ледники эти, двигаясь съ главнаго хребта къ одному пункту, со временемъ обѣщаютъ наполнить долину и образовать одинъ ледяной басейнъ или море, подобно тому какъ такое же море уже образовалось по ту сторону главнаго хребта.

Пройдя только-что описанную долину, дорога, какъ сказано, круто поворачиваетъ къ югу и слѣдуетъ по самому перевалу главнаго хребта. Отъ мѣста поворота до высшей точки перевала считается пять верстъ. Дорога здѣсь становится уже весьма затруднительною. Тропа, поднимаясь, вьется то по крутымъ утесамъ горъ, заваленнымъ каменьями, между которыми лошадь должна пробираться съ большою осторожностью, по ледникамъ, по которымъ съ оглушительнымъ шумомъ катятся ручейки, или же должна ступать совсѣмъ безъ тропы по отвѣснымъ почти отклонамъ моренъ. Здѣсь необходимо уже идти пѣшкомъ, или, правильнѣе, ползти, цѣпляясь руками и ногами за острые выступы камней, часто вырывающихся и скатывающихся въ бушующій Музартъ, берущій здѣсь свое начало. По обоимъ бокамъ ущелья лѣпятся громадныя скалы, то въ формѣ острыхъ отвѣсныхъ пиковъ, то въ видѣ исполинскихъ глыбъ, по которымъ каскадами ниспадаютъ ручьи. Снѣжныя лавины нависаютъ надъ головою, грозя обрушиться и завалить значительное пространство. Время отъ времени обломки скалъ отрываются отъ пиковъ и, съ трескомъ прыгая и ударяясь о твердые бока утесовъ, изчезаютъ въ стремнинахъ. Вообще, отъ подошвы перевала начинается царство какого-то хаоса и неустройства.

Въ теченіе короткаго лѣта, растительность здѣсь еще появляется въ видѣ тощей травки и нѣсколькихъ породъ цвѣточковъ, между которыми первенствующее мѣсто занимаютъ фіалки.

Путь усѣянъ костями погибшихъ животныхъ, падающихъ отъ изнеможенія и безкормицы. Лѣтомъ по перевалу животнымъ идти немного лучше, чѣмъ осенью и зимою, когда снѣгъ заноситъ про-

межутки между камнями, и лошадь, ступая по снѣгу, проваливается между камней, вслѣдствіе чего часто отрываетъ копыта. Только вороны да коршуны, оглашая воздухъ зловѣщимъ крикомъ, находятъ себѣ раздолье въ этомъ царствѣ хаоса и ужаса.

Вершина перевала состоитъ изъ сѣдловины около полуверсты длины, слегка покатой къ югу и ограниченной съ боковъ отвѣсными скалами и пиками. Во время моего пребыванія на сѣдлѣ перевала, дулъ сильный вѣтеръ съ юга. Стоячая вода въ лощинкахъ, несмотря на жаркую пору года (середина іюля), замерзла, но около одинадцати часовъ ледъ сталъ растаивать.

Съ вершины перевала, имѣющей до 11,000 футовъ высоты надъ поверхностью моря, открывается видъ на исполинскія вершины Тянь-шана, сжимающія съ обѣихъ сторонъ южный склонъ музартскаго ущелья. Особенно красива гора, виднѣющаяся съ лѣвой стороны. Она имѣетъ форму удлиненнаго купола и кажется какъ бы высѣченною изъ превосходнаго бѣлаго мрамора.

Отъ сѣдла перевала путь идетъ то по правымъ, то по лѣвымъ утесамъ; между ними приходится переѣзжать одну лощину съ совершенно плоскимъ дномъ, по которому лѣтомъ струятся ручьи уже по направленію къ югу. Выбравшись изъ лощины на небольшую возвышенность, верстахъ въ трехъ отъ высшей точки перевала, взорамъ открывается ледяное море, преграждающее путь.

Это ледяное море есть обширный басейнъ льда, заключенный между главными пиками Тянь-шана и отрогами его, лежащими по южную сторону басейна. Басейнъ наполняется ледниками со всѣхъ сторонъ и имѣетъ протяженіе сперва съ востока на западъ (около шести верстъ), а потомъ поворачиваетъ почти подъ прямымъ угломъ къ югу (верстъ восемь). Ширина басейна отъ полуторы версты до двухъ верстъ. Ледяное море представляетъ собою мѣстность какъ бы взрытую ужаснымъ землетрясеніемъ. Громадные ледяные валы и бугры, покрытые мусоромъ и обломками камней, торчащихъ въ самыхъ разнообразныхъ положеніяхъ, являютъ картину страшнаго безпорядка. Въ началѣ эти валы и бугры, засыпанные зачастую мелкимъ камнемъ, кой-гдѣ поросли травкою, въ которой и въ щеляхъ камней гнѣздятся миріяды пауковъ (черныхъ и сѣрыхъ) и маленькихъ мурашей. Изрѣдка появится и неизбѣжная муха, а то промелькнетъ и какая-нибудь маленькая птичка, находящая себѣ кормъ и на этомъ безпріютномъ морѣ.

Мѣстами ледяные холмы освобождаются отъ навалепныхъ камней и блещутъ на солнцѣ своими вершинами. Въ углубленіяхъ грядъ

текутъ потоки, пропадающіе потомъ въ пѣдрахъ ледниковъ. Мѣстами ледъ образуетъ трещины, въ видѣ гротовъ, пещеръ или глубокихъ колодцевъ, въ которыхъ дна невидно и приближаться къ которымъ весьма опасно, рискуя поскользнуться и упасть въ чернѣющую бездну. Пробираясь и лавируя съ гряды на гряду, перепрыгивая съ камня на камень, обходя колодцы и трещины, вы сразу натыкаетесь на озера, образующіяся отъ таянія льда на вершинахъ холмовъ.

Чѣмъ дальше подвигаешься впередъ, тѣмъ количество мусора и камней становится меньше, а ледъ дѣлается чище и прозрачнѣе. Въ тоже самое время и путь становится затруднительнѣе: вы скользите и падаете, ушибаясь подъ часъ очень чувствительно; но за то виды представляются болѣе интересными и поразительными. Ледяные холмы достигаютъ 500—600 футовъ высоты; огромные камни—отторженцы скалъ—торчатъ въ самыхъ невообразимыхъ наклонныхъ положеніяхъ на тонкихъ подставкахъ льда, представляя собою нѣчто въ родѣ столовъ, либо грибовъ. Иногда вы попадаете въ ледяной коридоръ съ почти отвѣсными стѣнами.

Осенью и зимою, картины, представляемыя ледянымъ моремъ, еще эфектнѣе и изумительнѣе. Потоки и озера замерзаютъ, а вновь накопляющіеся кристаллы льда производятъ самыя причудливыя формы: ледяные гроты, пещеры и ниши завѣшиваются кристалами снѣга и льда, точно бахромою. Внутри пещеръ и нишъ образовываются ледяные столбики, изображающіе какъ бы нарочно поставленныя статуи.

Со сводовъ гротовъ и пещеръ до дна ниспадаютъ оледенѣлыя водяныя струи, до того твердыя, что ихъ невозможно разбить, и издающія при ударѣ пріятный металическій звукъ.

Временами на этомъ морѣ слышится подземный гулъ, происходящій отъ тѣхъ трещинъ, которыя образуются въ нижнихъ слояхъ льда.

Подземный гулъ чередуется съ трескомъ отъ ниспадающихъ сверху камней, либо съ глухимъ шумомъ отъ катящихся по бокамъ утесовъ снѣжныхъ лавинъ, которыя эфектно разсыпаются подобно бомбамъ.

Во время моего пребыванія на ледяномъ морѣ, отъ двѣнадцати до четырехъ часовъ по полудни, стояла страшная жара, солнце палило немилосердно; но въ четыре часа небо сразу стало заволакиваться тучами, въ воздухѣ повѣяло холодомъ и какою-то осеннею сыростью, и вскорѣ стали падать ледяныя крупинки, въ родѣ тѣхъ, какія сыплются въ Россіи позднею осенью. Къ пяти часамъ все успокоилось. Вообще надобно замѣтить, что въ Средней Азіи, въ горахъ, въ

теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ паденіе атмосферной влаги распредѣляется такимъ образомъ: на высотахъ отъ четырехъ до пяти тысячъ футовъ дожди почти ежедневны отъ четырехъ до семи часовъ вечера; утромъ и ночью рѣдки; на высотахъ отъ пяти до восьми тысячъ футовъ дожди перемежаются со снѣгомъ, скоро тающимъ; выше девяти тысячъ футовъ дождей уже нѣтъ, а идетъ снѣгъ, который, впрочемъ, и тутъ скоро стаиваетъ.

Когда музартское ледяное море удобнѣе для слѣдованія — трудно рѣшить. Несомнѣнно, что пѣшкомъ, налегкѣ, его возможно проходить во всякое время года; не то съ лошадьми, а тѣмъ болѣе съ вьюками. Судя по тому, что туземные караваны предпочитаютъ ходить по этому морю только зимою и осенью, слѣдуетъ допустить что эти времена года болѣе благопріятны для движенія, хотя и тогда необходимо отдѣлять извѣстный процентъ на убыль въ животныхъ, которыя, скользя съ ледяныхъ грядъ и падая на острые камни, иногда убиваются. Вотъ почему и ледяное море, какъ и перевалъ, покрыто костями и скелетами погибшихъ животныхъ.

Верстахъ въ двѣнадцати отъ перевала, у небольшого кашгарскаго пикета Мазаръ-башъ (могильная голова), стоящаго на выступѣ скалы у лѣваго берега ледяного моря, обрывается почти отвѣсною стѣною футовъ въ 40—50. На этой стѣнкѣ во льду вырублены ступеньки. При слѣдованіи въ Аксу, люди и лошади спускаются по ступенькамъ при помощи веревокъ. И такимъ же способомъ подымаются люди и продовольственные запасы на пикетъ. Но такъ какъ на веревкахъ было бы затруднительно подымать лошадей, то караваны никогда и не ходятъ въ обратный путь изъ Аксу въ Кульджу. По той же причинѣ, и на первомъ кашгарскомъ пикетѣ гарнизонъ, въ числѣ до тридцати человѣкъ, содержится исключительно пѣшій. Продовольствіе и топливо этому гарнизону доставляются изъ сосѣдняго пикета Тамга-ташъ (каменная печать) и складываются у подножія спуска, откуда то и другое перетаскивается посредствомъ веревокъ наверхъ.

За пикетъ Мазаръ-башъ никто изъ европейцевъ не ходилъ, и потому свѣдѣнія о дальнѣйшемъ пути по ущелью въ Аксу основываются на распросахъ туземцевъ. Изъ ихъ показаній оказывается, что исполинскій ледникъ, значительно съуживаясь, оканчивается верстахъ въ трехъ отъ отвѣснаго спуска, и дорога далѣе идетъ по ущелью вдоль рѣки Музартъ-ныпъ-су, берущей начало изъ ледянаго моря и текущей въ юговосточномъ направленіи, въ глубь кашгарскихъ владѣній. Дальнѣйшая дорога по узкому ущелью затрудняется время отъ времени только большими камнями, обломками скалъ.

Отъ перевала до выхода изъ ущелья, по разсказамъ туземцевъ, считается около полутораста верстъ, а до города Аксу около двухсотъ.

Такимъ образомъ, южный склонъ ущелья почти втрое длиннѣе сѣвернаго, имѣющаго протяженіе равное только пятидесяти верстамъ, слѣдовательно онъ долженъ быть и значительно положе. Вся же ширина Музарта, или Мустага, если принять во вниманіе, что ущелье тянется извилинами, будетъ равняться приблизительно полутораста верстамъ.

VIII.

ОТЪ МУЗАРТА ДО КАРАКОЛА.

Позиція тянь-шанскаго отряда. — Общее замѣчаніе о частяхъ нашихъ войскъ, расположенныхъ на передовой линіи.—Вьючный трактъ отъ позиціи тянь-шанскаго отряда до города Каракола —Характеръ мѣстности отъ пункта расположенія отряда до города Каракола.—Перекочевки киргизовъ.—Урочище Санъ-ташъ.—Поселокъ Аксу.

Въ пяти верстахъ отъ входа въ музартское ущелье, на лѣвомъ берегу рѣки Уртень-музартъ, въ 1870 году расположенъ былъ небольшой русскій отрядъ. По близости лѣса, обильно покрывающаго весь сѣверный склонъ Тянь-шана, отрядъ скоро обзавелся деревянными казармами и другими воинскими зданіями, такъ что нынѣ мѣсторасположеніе отряда походитъ на великорусскую деревушку, какимъ-то чудомъ переброшенную въ самую глубь Средней Азіи.

Въ нынѣшнемъ году поселились здѣсь два семейства русскихъ выходцевъ, начавшихъ заниматься хлѣбопашествомъ. Представителемъ торговаго сословія служитъ одинъ татаринъ, снабжающій отрядъ всѣмъ необходимымъ по цѣнамъ, конечно, соотвѣтствующимъ отдаленности пункта отъ большихъ торговыхъ и производительныхъ центровъ. Пунктъ расположенія отряда называется военнымъ терминомъ—позиціей тянь-шанскаго отряда. Отрядъ этотъ первоначально былъ выставленъ съ цѣлью охранять спокойствіе нашихъ иссыкъ-кульскихъ киргизовъ отъ нападенія шаекъ, бродившихъ въ кульджинской провинціи. Съ покореніемъ послѣдней, шайки уничтожились, и теперь тянь-шанскій отрядъ выполняетъ другую цѣль: онъ служитъ угрозою сосѣду нашему, кашгарскому правителю Якубъ-беку, новая столица котораго, Аксу, расположена по ту сторону музартскаго ущелья, верстахъ въ 250-ти отъ нашего отряда. Сила отряда, разумѣется, не на столько велика, чтобы можно было взять значительный укрѣпленъ-

ный пунктъ, хотя бы и кашгарскій; но, въ случаѣ войны съ Кашгаромъ, нашъ тянь-шанскій отрядъ, дѣйствуя съ успѣхомъ противъ передовыхъ кашгарскихъ пикетовъ и угрожая столицѣ, можетъ отвлечь часть силъ противника.

Тянь-шанскій отрядъ расположенъ на равнинѣ и можетъ съ успѣхомъ наблюдать за окрестною мѣстностью; бдительность и нравственныя качества войскъ служатъ оплотомъ отъ всякихъ враждебныхъ покушеній. Быть можетъ, со временемъ, подъ прикрытіемъ отряда, разовьется здѣсь большой русскій поселокъ или даже городокъ. Но и теперь миніатюрный городокъ производитъ уже пріятное впечатлѣніе тою чистотою и порядкомъ, которые замѣчаются какъ въ домахъ, такъ и вокругъ домовъ. Улицы, правда, еще не опредѣлились, дворы еще не огорожены, но чистота, соблюдаемая въ зданіяхъ и вокругъ, служитъ пока единственною отрадою и утѣшеніемъ обитателей этого далекаго пограничнаго русскаго уголка.

Во мнѣ, быть можетъ и во всѣхъ тѣхъ, кто никогда не бывалъ на нашихъ отдаленныхъ окраинахъ, существовало убѣжденіе, что части войскъ, расположенныя въ глухихъ и заброшенныхъ мѣстахъ, должны быть хуже тѣхъ, которыя расположены въ большихъ центрахъ. Побывавъ въ нашихъ пограничныхъ пунктахъ Семирѣченской Области, я пришелъ къ иному заключенію.

Отсутствіе развлеченій, какъ для нижнихъ чиновъ, такъ и для офицеровъ, побуждаетъ тѣхъ и другихъ сосредоточиваться на дѣлѣ. Служебныя занятія кипятъ; къ различнымъ воинскимъ упражненіямъ люди относятся съ любовью. Кромѣ того, боевая и походная жизнь сближаетъ офицеровъ съ солдатами. Тѣ и другіе знаютъ и понимаютъ другъ друга. Здѣсь офицеръ не баринъ-бѣлоручка, появляющійся между своими солдатами для проформы, но такой же труженикъ и служака, какъ и они, раздѣляющій съ ними всѣ тягости и лишенія. Вслѣдствіе частаго общенія офицеровъ съ солдатами, дисциплина развита въ высшей степени; она соблюдается не только по отношенію солдатъ къ офицерамъ, но и между послѣдними въ порядкѣ подчиненности.

Въ свободное отъ служебныхъ занятій время, и офицеры, и солдаты занимаются охотою, которая поощряется и высшимъ начальствомъ, особенно охота на хищныхъ звѣрей и, между прочимъ, на тигровъ.

По вечерамъ, передъ вечернею зарею, солдатики собираются вмѣстѣ и поютъ пѣсни. Пѣсни, въ большинствѣ случаевъ, кавказскія, передѣланныя сообразно съ новою обстановкою. Зачастую нижніе чины

и сами слагаютъ новыя пѣсни, въ которыхъ воспѣваютъ свои разудалые походы и геройскіе подвиги начальниковъ и командировъ.

Чистота и опрятность въ одеждѣ соблюдаются нижними чинами очень строго. Начальствующія лица хорошо поняли здѣсь, что, если разъ допустить послабленіе относительно костюма, небрежность въ одеждѣ будетъ возрастать crescendo и нижніе чины лучшія вещи свои станутъ или сбывать, либо пропивать, какъ ненужныя.

Отъ Музарта до Каракола, уѣзднаго городка лежащаго близъ озера Иссыкъ-куля, считается до 230 верстъ. Для сообщенія отряда съ городомъ устроенъ такъ-называемый вьючный трактъ, т. е. тяжести перевозятся на верблюдахъ, а проѣзжающія лица слѣдуютъ верхомъ на лошадяхъ. На этомъ трактѣ семь станцій; на каждой станціи отъ четырехъ до шести лошадей и по одному верблюду.

Вьючное сообщеніе учреждено здѣсь не потому, чтобы другого, колеснаго, нельзя было устроить, но потому, что въ колесномъ еще не настоитъ потребности: число проѣзжающихъ ограниченно и выгоды отъ содержанія тракта не окупили бы издержекъ.

Устройство же колеснаго сообщенія отъ Музарта до Каракола не можетъ представить препятствій, такъ какъ дорога почти по всему протяженію ровная, гладкая, идущая все время по долинѣ, окаймленной справа и слѣва горными цѣпями, носящими у туземцевъ различныя наименованія въ различныхъ мѣстахъ. Горная цѣпь, тянущаяся слѣва, не высока; но изъ за нея выглядываютъ исполинскіе пики другой болѣе высокой цѣпи, покрытой вѣчными снѣгами. Равнинный характеръ мѣстности мѣняется два раза: сперва верстахъ въ шестидесяти пяти отъ музартскаго отряда, вскорѣ по переправѣ черезъ верхній Текесъ, когда надобно проѣзжать ущельемъ и вслѣдъ затѣмъ невысокими горными увалами въ поперечномъ хребтѣ (Кокъкія), и потомъ, верстахъ въ ста пятидесяти пяти отъ Музарта, когда приходится переваливать черезъ другой поперечный хребетъ Тасма, переваломъ Кизылъ-кія, тянущимся верстъ на пятнадцать, между рѣками Тюпомъ и Джергаланомъ. Такъ какъ горныя цѣпи, окаймляющія долину съ лѣвой стороны, выше, то горные ручьи и рѣки, пересѣкающіе дорогу, текутъ съ этой стороны, по направленію съ юга. Самая большая и самая затруднительная для проѣзда изъ этихъ рѣчекъ есть Улькунъ-музартъ (Большой Музартъ), пересѣкающій дорогу въ шестнадцати верстахъ отъ музартскаго отряда. Верхомъ эту рѣку можно перейти во всякое время, но на колесныхъ экипажахъ возможно переѣхать только въ малую воду, т. е. съ утра до полудня. Всѣ осталь-

ныя рѣчки не столь значительны и въ бродъ могутъ быть переѣзжаемы во всякое время.

Первая половина описываемой мною долины (до станціи Сарыджазъ) есть какъ бы удѣлъ кочевниковъ-калмыковъ, а вторая удѣлъ совершенно другого кочевого племени, кара-киргизовъ. Въ настоящее время, калмыковъ здѣсь осталось весьма немного, да и тѣ измельчали и вовсе не походятъ на своихъ предковъ, которые въ прошломъ вѣкѣ владѣли всею верхнеилійскою страною. Тогда калмыки образовывали особое царство, имѣли города, деревни и крѣпости. Слѣды ихъ капитальныхъ сооруженій существуютъ и понынѣ, въ видѣ сумбе (монастырей), крѣпостныхъ оградъ, оросительныхъ канавъ и пр. Однимъ изъ такихъ фактовъ калмыцкой осѣдлости служатъ слѣды города и крѣпости, встрѣчающіеся на пути изъ музартскаго отряда, вскорѣ послѣ переправы черезъ Улькунъ-Музартъ. Крѣпость состояла изъ расположенныхъ четыреугольникомъ земляныхъ валовъ, еще и донынѣ хорошо сохранившихся; но отъ зданій ничего не осталось. За городомъ тянутся арыки, орошавшіе когда-то поля.

Вблизи остатковъ калмыцкой крѣпости, на горной рѣчкѣ Нарынъ-колъ, строится русскій поселокъ. Тридцать шесть семействъ сибирскихъ казаковъ пришли сюда лѣтомъ 1872 года и стали селиться на весьма удобной мѣстности, у опушки лѣса, покрывающаго берега Нарынъ-кола. Кромѣ того, въ тянь шанскихъ горахъ, отстоящихъ отъ мѣста поселка верстахъ въ пяти, также есть превосходный словый лѣсъ. Деревянные дома поселенцевъ растутъ какъ грибы, такъ что теперь нѣкоторые изъ нихъ уже окончены.

Верстахъ въ 25-ти отъ станціи Сары-джазъ, вправо отъ дороги, у подошвы горъ, находится источникъ, замѣчательный обильнымъ содержаніемъ превосходной соли. Кара-киргизы издавна вываривaютъ здѣсь соль, которую нынѣ продаютъ и въ русскіе поселенные пункты. Для выварки соли служила словая роща, теперь почти вся уже вырубленная.

Долина между переваломъ Кокъ-кія и Кизылъ-кія, покрытая густою и сочною травою, даетъ пристанище кара-киргизамъ рода богу, кочующимъ здѣсь весною и лѣтомъ. Въ концѣ лѣта, кара-киргизы начинаютъ перекочевывать къ бѣрегамъ озера Иссыкъ-куль, гдѣ собираютъ посѣянный хлѣбъ и устанавливаются на зимнія стойбища. Во время моего проѣзда, богинцы, будто стаи перелетныхъ птицъ, уже направлялись къ Иссыкъ-кулю.

Картина перекочевки киргизовъ представляетъ необыкновенную

пестроту. Переходъ съ одного мѣста на другое для кочевника самый торжественный праздникъ. Люди наряжаются въ лучшія одежды; лошади покрываются цвѣтными чапраками и щегольскими сѣдлами; верблюды, перевозящіе домашній скарбъ, сверху покрываются коврами и дорогими матеріями. Впереди ѣдетъ хорошенькая дѣвочка, совершеннолѣтняя, либо близкая къ совершеннолѣтію: она какъ бы открываетъ шествіе; за нею слѣдуетъ старшая изъ женъ, потомъ остальныя жены, при которыхъ ѣдутъ и ихъ ребятишки, привязанные къ сѣдлу, если они такъ малы, что сами еще не могутъ держаться на сѣдлѣ. Мужчины слѣдуютъ стороною и охотятся съ ружьями, либо посредствомъ беркутовъ и соколовъ. На вьюкахъ самыя лучшія и блестящія вещи привязываются сверху, для того чтобы пестрили въ глазахъ и свидѣтельствовали о богатствѣ хозяина. Русскіе подносы, сундуки, обитые жестью, самовары, все это непремѣнно выставляется на показъ, на зависть тѣмъ, у кого такихъ вещей нѣтъ, или онѣ похуже.

Часть описываемой долины, прилегающая къ верховьямъ рѣки Тюпа, называется урочищемъ Санъ-ташъ, получившимъ свое названіе отъ грудъ камней, усматриваемыхъ близъ упомянутой рѣки. Санъ-ташъ въ переводѣ съ тюркскаго означаетъ счетъ камней. Преданіе говоритъ, что Тимуръ, во время похода своего въ Китай, желая сосчитать число своихъ войскъ, велѣлъ на этомъ мѣстѣ каждому воину положить по камню въ одну кучу. На обратномъ пути, по приказанію Тимура, тѣже воины должны были взять изъ кучи по камню назадъ. Количество оставшихся въ кучѣ камней показало количество погибшаго войска въ походѣ.

Урочище Санъ-ташъ, перевалъ Кизылъ-кія и верховья Джергалана составляютъ пространство, играющее роль какъ бы этапа при перекочевкахъ киргизовъ. Мѣстность эта чрезвычайно живописна и привольна: вода въ изобиліи, кормы превосходные и, кромѣ того, въ горахъ растетъ лѣсъ, дающій кочевникамъ топливо.

Спустившись съ перевала и переправясь въ бродъ черезъ рѣку Джергаланъ, вы ступаете на равнину гладкую, ровную, каменистую, не представляющую никакихъ удобствъ для кочевокъ, вслѣдствіе чего вся мѣстность эта, на протяженіи 40 верстъ, пустынна и не населена. Равнина то съуживается, то расширяется горами, ограничивающими ее справа и слѣва; но дорога все время идетъ близъ лѣвой горной цѣпи, сѣверные склоны которой покрыты хвойнымъ лѣсомъ. Изъ-за этой цѣпи, образующей только какъ бы предгорье, глядятъ убѣленныя главы основного тянь-шанскаго хребта, дающаго

начало множеству горныхъ рѣчекъ, пересѣкающихъ путь. У одной изъ такихъ рѣчекъ, на столько глубокой и быстрой, что черезъ нее устроенъ мостъ, у подошвы самыхъ горъ пріютился русскій поселокъ Аксу, названный по имени рѣчки. Года три тому назадъ, пунктъ этотъ былъ центромъ управленія иссыкъ-кульскими киргизами и уѣзднымъ городомъ. Поселокъ состоитъ изъ крестьянъ-выходцевъ изъ Томской и Воронежской губерній. Ближайшія окрестности поселка необыкновенно живописны; значительная рѣка даетъ возможность достаточно орошать поля. Кромѣ того, почва съ лихвою вознаграждаетъ трудъ земледѣльца. Но, несмотря на всѣ эти благопріятствующія условія, вслѣдствіе политическихъ соображеній найдено было нужнымъ центръ уѣзда перенести на 12 верстъ къ западу, на рѣку Караколъ.

IX.

КАРАКОЛЪ.

Мѣстоположеніе города Каракола.—Рѣка Караколъ.—Климатъ.—Статистическія данныя о городѣ. — Занятія жителей. — Окрестности города. — Каракольское ущелье.—Минеральные ключи.—Курганы.—Подводныя постройки въ озерѣ Иссыкъ-кулѣ.

Городъ Караколъ (по-киргизски значитъ черная рука) составляетъ средоточіе управленія иссыкъ-кульскимъ уѣздомъ. Онъ расположенъ на правомъ берегу горной рѣчки Караколъ, верстахъ въ четырехъ отъ ущелья, изъ котораго она вытекаетъ, и верстахъ въ двѣнадцати отъ озера Иссыкъ-куля. Городъ основанъ въ 1869 году, и лежитъ на плоской покатости, возвышающейся подобно гласису къ горной цѣпи Терскей-тау, которая образуетъ какъ бы передовую цѣпь Тянъ-шана.

Шумливая рѣчка Караколъ, пробивая эту цѣпь, течетъ стремительно по большимъ камнямъ въ направленіи къ сѣверо-западу и впадаетъ въ Иссыкъ-куль. Ширина рѣки у города около трехъ сажень, а глубина хотя и не превосходитъ полуроста человѣческаго, но, вслѣдствіе быстроты теченія по крупнымъ каменьямъ, препятствуетъ переправѣ въ бродъ. Черезъ рѣку построенъ мостъ.

Видъ и мѣстоположеніе города крайне печальны. Онъ напоминаетъ небольшую великорусскую деревушку. Расположенный на голой покатости, Караколъ подвергается дѣйствію сильныхъ вѣтровъ, дующихъ по двумъ направленіямъ, съ юга изъ каракольской щели и съ сѣвѣро-востока съ верховій Джергалана и Тюпа. Послѣдній вѣтеръ приноситъ съ собою влагу. Вѣтры, большею частію, разражаются

послѣ полудня отъ четырехъ до семи часовъ, вздувая облака пыли. Лѣтніе жары чрезвычайно сильны и тяжелы, а зимніе холода, вслѣдствіе возвышеннаго положенія города надъ уровнемъ моря (до 5,500 футовъ) достигаютъ до 20°. Кромѣ того, здѣсь часты снѣжные бураны (вьюги). Зимою снѣгъ глубоко покрываетъ окрестности города, но въ самомъ городѣ по улицамъ не держится, будучи, тотчасъ по выпадѣ, сдуваемъ вѣтрами. Рѣка зимою глубоко промерзаетъ, отъ чего ощущается недостатокъ въ водѣ. Въ силу всѣхъ этихъ неблагопріятныхъ условій, положеніе каракольцевъ оказывается довольно тягостнымъ, и населеніе желало бы переселиться на другое мѣсто, поближе къ озеру, гдѣ оно могло бы заниматься и рыболовствомъ.

При всемъ томъ климатъ Каракола весьма здоровый; вслѣдствіе отсутствія садовъ и неимѣнія фруктовъ, жители избавлены даже и отъ тѣхъ болѣзней, которыя господствуютъ въ азіятскихъ городахъ отъ употребленія въ пищу плодовъ. Чаще встрѣчающаяся здѣсь болѣзнь есть перемежающаяся лихорадка, порождаемая рѣзкими переходами отъ дневного зноя къ ночной прохладѣ.

Въ настоящее время въ Караколѣ 80 домовъ и 52 лавки. Зданія почти всѣ деревянныя, построенныя изъ лѣса, растущаго верстахъ въ семи отъ города, въ горахъ. Въ нынѣшнемъ году сдѣлано распоряженіе о прекращеніи строить дома изъ дерева. Отъ такого распоряженія городъ не проиграетъ, ибо каменныя зданія (изъ сырцоваго кирпича) будутъ стоить дешевле (*); кромѣ того они будутъ теплѣе, и, конечно, безопаснѣе отъ пожара. Сырцовые дома строются весьма быстро: ихъ и теперь уже сложено до двадцати. Городъ распланированъ правильно, на четыреугольники, ровными и широкими улицами, число которыхъ нынѣ простирается до двѣнадцати.

Мельницы имѣются только водяныя: ихъ пять; заводовъ и другихъ промышленныхъ заведеній пока нѣтъ.

Населеніе, кромѣ войскъ, состоитъ изъ 150-ти человѣкъ (83 души мужескаго пола и 67 женскаго). Большинство составляютъ татары и сарты, выходцы изъ Ташкента и другихъ городовъ Туркестана. Русскихъ мѣщанъ и крестьянъ 20 душъ обоего пола. Такимъ образомъ, закваска города чисто-мусульманская. Но все мусульманское населеніе Каракола топитъ въ значительномъ количествѣ войскъ, расположенныхъ здѣсь. Въ городѣ расположены, въ казармахъ, цѣлый батальонъ пѣхоты, двѣ сотни казаковъ и одна горная батарея.

(*) Тысяча сырцовыхъ кирпичей стоитъ здѣсь отъ 1 р. до 1 р. 50 к.

Въ окрестностяхъ города, на рѣкѣ Караколѣ, есть нѣсколько юртъ калмыковъ, которые нанимаются на черныя работы.

Главнѣйшее занятіе жителей Каракола — торговля. Татары и сарты торгуютъ, по преимуществу, съ киргизами, приходящими сюда для закупокъ предметовъ первой необходимости. Хлѣбопашество еще только въ зародышѣ. Хлѣбъ покупается, либо вымѣнивается изъ сосѣднихъ русскихъ поселковъ или у киргизовъ. Пшеница стоитъ около 20 копѣекъ пудъ. Говядина и баранина также не дороги и не превышаютъ двухъ рублей за пудъ. Соль 50 коп. пудъ. Но если дешевы предметы первой необходимости, то, наоборотъ, всѣ предметы, привозимые изъ Европейской Россіи, непомѣрно дороги.

Окрестности Каракола болѣе интересны, чѣмъ самый городъ.

Верстахъ въ четырехъ къ югу отъ города, тянется каракольское ущелье. Оно сперва имѣетъ юго-западное направленіе, и верстахъ въ двадцати пяти отъ входа становится непроходимымъ; развѣтвляется на множество второстепенныхъ щелей и долинъ, въ которыхъ находятся превосходныя пастбищныя мѣста и строевой лѣсъ. При входѣ въ ущелье, является въ большомъ количествѣ барбарисъ, а вслѣдъ затѣмъ и еловый лѣсъ (пихта). Правая сторона щели здѣсь, какъ и въ музартскомъ ущельѣ, покрыта растительностію, тогда какъ на лѣвой послѣдняя замѣтна лишь въ поперечныхъ ложбинкахъ.

Растительное царство каракольской щели отличается отъ музартской только тѣмъ, что здѣсь березы не встрѣчается вовсе. Что же до породъ звѣрей и птицъ, то онѣ присущи одинаково всему протяженію тянь-шанскаго хребта отъ Музарта, по крайней мѣрѣ, до меридіана западной оконечности озера Иссыкъ-куля. Хребетъ Терскей-тау, трещина котораго и образуетъ каракольскую щель, хотя и составляетъ только второстепенную цѣпь, но, тѣмъ не менѣе, мѣстами имѣетъ снѣжныя вершины и даже ледники.

За Терскей-тау лежитъ высокая гористая страна, извѣстная подъ именемъ Сырта, гдѣ въ безпорядкѣ высятся громадные хребты, на которыхъ залегаютъ обширные ледники. Въ числѣ послѣднихъ особенно замѣчателенъ ледникъ, дающій начало рѣкѣ Нарыну, главнѣйшему притоку Сыръ-дарьи.

Окрестности Каракола славятся минеральными ключами, именуемыми по-туземному арасанами. Ключи расположены въ необыкновенно-живописной аксуйской щели; ближайшій (желѣзистый) ключъ находится отъ Каракола въ шестнадцати верстахъ и верстахъ въ двухъ отъ входа въ Аксуйское ущелье. Къ ключу спускаются по высокой и чрезвычайно крутой скалѣ, въ которой тропинка выбита зигзагами. У подошвы этой скалы, на правомъ берегу быстрой Аксуйки, шагахъ въ трехъ отъ русла рѣки, и расположенъ цѣлебный источникъ. Онъ имѣетъ до трехъ саженъ длины, до одной сажени ширины и свыше одного аршина глубины. Дно твердое и крупнопесчаное. Посредствомъ узкаго протока, ключъ впадаетъ въ Аксуйку. Температура ключа +32° по Р. Вода необыкновенно чистая и имѣетъ свойство сильно преломлять лучи. Она пріятна на вкусъ и на осязаніе и мягчитъ кожу. Купанье производитъ нѣкоторую истому. Бассейнъ осѣненъ яблонями; края его заботливо расчищены и обложены крупными камнями. Видно, что туземцы издавна знали цѣлебную силу ключа. На одномъ изъ камней, облегающихъ басейнъ, выдолблено семь ямокъ, въ которыя калмыки насыпали зерна для приношенія божеству, по ихъ мнѣнію, невидимо присутствовавшему въ источникѣ. Киргизы то же божество умилостивляли по-своему: они навѣшивали на деревья лоскутья одежды, а на камни клали кости и черепы животныхъ, остатки которыхъ сохраняются и понынѣ.

Вода въ источникѣ лѣтомъ повышается, зимою падаетъ.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ этого ключа находится еще одинъ теплый же; но воды въ немъ очень немного.

Саженяхъ въ пятидесяти ниже этихъ двухъ ключей, на лѣвомъ берегу Аксуйки, вытекаетъ изъ скалы еще два теплыхъ и одинъ холодный ключъ, впрочемъ незначительные. На притокѣ Аксуйки, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ описаннаго ключа, извѣстенъ одинъ большой горячій ключъ, температура котораго столь высока, что, по разсказамъ, одинъ киргизъ недавно сварился въ немъ. Къ сожалѣнію, этотъ послѣдній ключъ я не имѣлъ возможности осмотрѣть.

Возлѣ Каракола, вдоль по теченію рѣки, вниманіе путника обращаютъ на себя курганы, разсѣянные по всему Иссыкъ-кульскому уѣзду, особенно по сѣверному берегу озера Иссыкъ-куля, отъ устья рѣки Тюпъ до урочища Кесъ-сенгиръ, а также и вдоль Александровскаго хребта. Курганы достигаютъ иногда большихъ размѣровъ, другіе сказываются легкимъ вздутіемъ на поверхности земли, но всѣ одинаково присыпаны сверху камепьями. Общій типъ высокихъ кургановъ—холмъ съ воронкою внутри, гребень которой покрытъ камнями, величиною въ кулакъ и болѣе. Дно воронки поростаетъ бурьяномъ и дикими цвѣтами; съ одной стороны воронки прорывъ, образующій какъ бы входъ во внутрь кургана. Высота холмовъ доходитъ до трехъ саженъ, окружность гребня воронки до ста и болѣе шаговъ.

Происхожденіе здѣшнихъ, точно также какъ и южно-русскихъ, кургановъ остается равно загадочнымъ: одни считаютъ ихъ сторожевыми пунктами, другіе — могилами сильныхъ людей, а иные, наоборотъ жилищами людей, не знавшихъ употребленія юртъ и не умѣвшихъ строить домовъ.

Мнѣ кажется, что здѣшніе курганы суть слѣды кладбищъ кочевниковъ. Киргизы и понынѣ имѣютъ обыкновеніе нѣсколько могилъ обводить одною оградою. Отъ времени ограда заносится пескомъ и разными наносами, вслѣдствіе чего и образовывается холмъ съ воронкою внутри, и съ пониженіемъ тамъ, гдѣ былъ входъ въ ограду. Здѣшнихъ кургановъ еще никто не раскапывалъ. Раскопка и изслѣдованіе ихъ, быть можетъ, приведутъ къ какимъ-нибудь интереснымъ положительнымъ выводамъ.

Территорія Иссыкъ-кульскаго уѣзда, населенная, за исключеніемъ шести русскихъ поселковъ, одними кочевниками, сохраняетъ на себѣ слѣды давнишней осѣдлой жизни. Народныя преданія, китайскія лѣтописи и остатки городовъ свидѣтельствуютъ, что здѣсь когда-то обитали племена, достигавшія болѣе зрѣлой цивилизаціи, чѣмъ нынѣшніе туземцы.

По китайскимъ лѣтописямъ, на восточномъ берегу Иссыкъ-куля существовалъ нѣкогда городъ Чигу, построенный китайскими рабочими для усуньскаго владѣтеля. Извѣстно также, что сирійскіе якобиты имѣли на озерѣ монастырь съ мощами апостола Матеія. Но остатки городовъ и зданій, въ настоящее время, находятся подъ водою. Верстахъ въ тридцати отъ Каракола, на урочищѣ Койсары, въ нѣсколькихъ десяткахъ саженъ отъ берега, усматриваются подъ водою одни изъ такихъ развалинъ. Превосходно-обожженный кирпичъ, изъ котораго сложены стѣны подводнаго города, нынѣ разбирается киргизами на постройку своихъ гробницъ (мазаровъ). Волнами выбрасываются на берегъ кости и черепы животныхъ и людей, обломки посуды и другія издѣлія человѣческихъ рукъ. Къ числу найденныхъ въ этомъ году вещей относятся двѣ монеты, мѣдный котелокъ или урна, служившая, вѣроятно, для жертвоприношеній и мѣдный же свѣтецъ съ крышечкою, на подставкѣ.

Остатки кирпичныхъ зданій усматриваются и въ другихъ частяхъ озера; но всѣ они еще не изслѣдованы.

Учрежденіе судоходства на озерѣ, нѣтъ сомнѣнія, дастъ путеводную нить для изслѣдованій, какія постройки находятся на днѣ озера, къ какой эпохѣ относятся и какому народу принадлежали.

X.

ОЗЕРО ИССЫКЪ-КУЛЬ.

Догадки о происхожденіи озера и о причинахъ убыванія въ немъ воды. — Топографическія данныя объ озерѣ.—Свойство береговъ.—Причины незамерзанія озера.—Климатическія данныя.

Озеро Иссыкъ-куль фактически стало извѣстно намъ въ недавнее время. Продолжительная кровавая борьба двухъ племенъ кара-киргизскихъ, сарабагишей и богу, обитающихъ по берегамъ озера, принудила ихъ одно за другимъ просить о принятіи въ русское подданство. Вслѣдъ за принятіемъ въ наше подданство этихъ племенъ, были произведены съемки и ученыя изслѣдованія дотолѣ мало извѣстнаго европейцамъ озера, и, благодаря астрономическимъ и топографическимъ съемкамъ, произведеннымъ въ 1859 году, какъ положеніе, такъ и фигура его были окончательно опредѣлены. Къ сожалѣнію, нельзя сказать того же относительно нѣдръ озера, которыя и до сихъ поръ остаются необслѣдованными. Изъ русскихъ (а тѣмъ паче изъ киргизовъ) еще никто не рѣшался плавать по озеру, и только въ нынѣшнемъ году въ городѣ Караколѣ строится судно, на которомъ въ концѣ лѣта предполагалось произвести плаваніе и изысканіе озера.

Происхожденіе озера Иссыкъ-куля весьма загадочно. Съ одной стороны есть основаніе думать, что озеро, въ отдаленную геологическую эпоху, входило въ общій басейнъ Каспія, Арала и Балхаша, потомъ раздѣлившихся вслѣдствіе поднятія между ними почвы и высыханія. Но, съ другой стороны, въ виду того, что на днѣ озера открываются постройки, что волнами изъ нѣдръ его выбрасываются человѣческія кости, черепы, посуда, кирпичи и проч. можно съ большою вѣроятностью допустить, что происхожденіе Иссыкъ-куля одинаково съ происхожденіемъ Мертваго Моря, т. е. что мѣстность провалилась уже въ недавнюю историческую эпоху, и, провалившись, тотчасъ была залита водою.

Народныя преданія киргизовъ и калмыковъ, несмотря на различные оттѣнки и подробности, одинаково свидѣтельствуютъ, что на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ теперь озеро Иссыкъ-куль, существовалъ когда-то большой городъ, среди котораго былъ колодезь, и что однажды изъ этого колодца вода хлынула черезъ край и затопила какъ городъ, такъ и всѣ окрестности его.

Одно несомнѣнно: поверхность озера, въ былое время, стояла го-

раздо выше, чѣмъ теперь, и убыль воды въ озерѣ дѣлается замѣтною чуть не съ каждымъ годомъ.

Туземцы разсказываютъ, что, на ихъ глазахъ, въ теченіе лѣтъ десяти, береговая полоса освободилась, мѣстами, отъ воды по крайней мѣрѣ на версту.

Наблюденіе надъ свойствами дна, побережья и береговыхъ горныхъ терасъ, покрытыхъ однѣми и тѣми же породами, приводитъ также къ заключенію, что поверхность воды въ озерѣ нѣкогда стояла далеко выше, чѣмъ теперь. Г. Семеновъ допускаетъ догадку, что слишкомъ высокая вода Иссыкъ-куля, посредствомъ Кутемалдинскаго протока, хлынула въ рѣку Чу, которая, пробивъ себѣ ложе въ Александровскомъ хребтѣ, образовала Буамское ущелье. Послѣ, когда уровень озера и понизился до такой степени, что оно перестало быть истокомъ рѣки Чу, количество воды въ немъ продолжаетъ уменьшаться, такъ какъ, по объясненію г. Семенова, притоки озера годъ отъ году не вознаграждаютъ потери испаряемой имъ воды, вслѣдствіе оскудѣванія, происходящаго отъ повышенія снѣжной линіи въ климатѣ, который становится болѣе и болѣе континентальнымъ.

Кара-киргизы никогда не осмѣливались пускаться въ озеро, будучи совершенно безсильны вступать въ борьбу съ чуждою для нихъ стихіею. Для нихъ озеро не только не представляло никакихъ выгодъ, напротивъ, причиняло вредъ, отнимая значительное количество земли для кочевокъ и оставляя имъ узенькую полоску вдоль берега. Вотъ причина, почему, согласно преданію, каракиргизы задумали спустить озеро посредствомъ рѣки Чу въ Сыръ-дарью. Для этой цѣли ими былъ выкопанъ въ западной части озера арыкъ или каналъ Кутемалды, длиною около четырехъ верстъ, соединившій озеро съ рѣкою Чу.

Но киргизы ошиблись въ разсчетѣ и достигли результатовъ какъ разъ противоположныхъ: вода не только не пошла изъ озера въ Чу, а, напротивъ, Чу стала течь въ озеро, и арыкъ Кутемалды, вмѣсто истока Иссыкъ-куля, обратился въ его притокъ (*).

(*) Происхожденіе Кутемалды долго занимало и продолжаетъ занимать изслѣдователей озера Иссыкъ-куля. Одни (г. Семеновъ) считали рѣчку естественнымъ истокомъ озера; другіе (г. Венюковъ), его естественнымъ притокомъ. Мнѣ же кажется болѣе вѣроятнымъ считать Кутемалды притокомъ искуственнымъ. Г. Венюковъ не можетъ допустить искуственнаго происхожденія рѣки по слѣдующимъ причинамъ: 1) странно было бы, говоритъ онъ, провести арыкъ въ самомъ низкомъ мѣстѣ кутемалдинской долины, вслѣдствіе чего пускать изъ него воду на поля было бы нельзя; 2) никакихъ побочныхъ развѣтвленій незамѣтно, а безъ этого арыки не существуютъ; 3) ложе рѣчки извилисто и у береговъ ея незамѣтно насыпей, которыя были бы доказательствомъ, что русло образовано выкапываніемъ земли.

Но первыя два возраженія устраняются, если сообразимъ цѣль прорытія канала. Каналъ былъ вырытъ вовсе не для орошенія пашень, для чего не было вовсе и надобности соединять озеро съ Чу; но коль скоро имѣлось въ виду спустить озеро въ рѣку, то весьма естественно было вести каналъ по самому узкому и низменному мѣсту. Что же касается до 3-го пункта возраженія, то и онъ устраняется, если сообразимъ, что въ Средней Азіи есть масса арыковъ, сдѣлавшихся потомъ рѣчками и нынѣ текущихъ въ берегахъ еще болѣе глубокихъ и извилистыхъ, чѣмъ Кутемалды, и у которыхъ также незамѣтно никакихъ насыпей.

Озеро Иссыкъ-куль заключено точно въ чашѣ, въ исполинской котловинѣ, образуемой развѣтвленіемъ Тянь-шана и направляющейся отъ сѣвера-востока къ юго-западу. Размѣры котловины гораздо больше, чѣмъ размѣры собственно озернаго басейна, а именно: озеро имѣетъ въ длину 169½ верстъ, въ ширину 57 верстъ, тогда какъ длина котловины отъ входа Чу въ Буамское ущелье до горнаго перевала Кизылъ-кія (Санъ-тамъ), простирается до 250 верстъ, а наибольшая ширина между подошвами горъ, замыкающими котловину съ сѣвера и юга, доходитъ до 80 верстъ.

Поверхность озернаго басейна равняется 116 квадратнымъ милямъ; высота, на основаніи барометрическихъ наблюденій г. Голубева, равна 5,300 футамъ надъ поверхностью моря.

Занимая самую низкую часть котловины, озеро ограничивается, точно коймою, плоскимъ или слегка покатымъ берегомъ, ширина котораго мѣстами доходитъ до двадцати верстъ. Въ двухъ мѣстахъ, впрочемъ, почти на серединѣ мередіана озера, поперечные отроги горъ съ сѣвера и съ юга подходятъ на встрѣчу къ самому озеру и омываются его волнами, такъ что дорога въ этихъ мѣстахъ идетъ по крутой покатости отроговъ надъ самымъ озеромъ. Ширина отрога у сѣвернаго берега, называемаго урочищемъ Кесъ-сенгиръ, около одной версты; южный же отрогъ, называемый Чарпыльдакъ, нѣсколько шире.

Полагать должно, что эти двѣ цѣпи продолжаются и подъ поверхностью озера, такъ какъ на серединѣ озера усматривается мель.

Сѣверное побережье озера извѣстно подъ именемъ Кунгея (т. е. сторона, обращенная на солнце), а южная—Терскея (сторона, находящаяся въ тѣни). Также точно и горы, окаймляющія басейнъ съ сѣвера, именуются Кунгей-тау, а окаймляющія съ юга — Терскей-тау. Средняя высота Кунгей-тау, иначе называемой Заилійскимъ Алатау, равняется 11,000 футамъ надъ поверхностью моря. Средняя часть этого хребта, на протяженіи верстъ 60-ти, возвышается до 14,000

футовъ и переходитъ, такимъ образомъ, снѣжную линію. Мѣстами замѣчаются въ этой части и ледники. Терскей-тау составляетъ только какъ бы передовую цѣпь, или отломокъ главнаго Тянь-шанскаго хребта, средняя высота котораго, на всемъ протяженіи длины озера, переходитъ снѣжную линію, достигая слишкомъ 16,000 футовъ.

Побережье озера уныло и пустынно. Оно, по большей части, безплодно, каменисто,усѣяно безчисленными валунами и лишено вообще лѣсной растительности. Кустарники появляются только близъ устій стремительныхъ рѣчекъ и вдоль низменныхъ пространствъ, и состоятъ преимущественно изъ *облѣпихи*, покрытой узкими серебристыми листьями и съ вѣтвями, густо-облѣпленными желтыми ягодами, изъ боярка, барбариса и двухъ или трехъ породъ ивы. Къ мѣстностямъ, пригоднымъ для кочевокъ и для хлѣбопашества, можно отнести: небольшое пространство на западномъ углу озера, затѣмъ по теченію рѣкъ Зауки, Кизылъ-су, Каракола, Аксу, впадающихъ въ озеро съ юга, по теченію рѣкъ Джергалана и Тюпа, вподающихъ съ востока, и, наконецъ, часть сѣвернаго берега озера отъ устья рѣки Тюпъ до урочища Кесъ-сенгиръ, гдѣ кара-киргизы искони занимались хлѣбопашествомъ. Восточное побережье озера вообще болѣе благопріятно для жизни человѣка, чѣмъ западное; этимъ обстоятельствомъ объясняется причина, почему русская колонизація охватываетъ восточную часть озера и не касается западной. Въ теченіе послѣднихъ трехъ—четырехъ лѣтъ, восточная часть озера стала унизываться, точно ожерельемъ, русскими поселками, которыхъ нынѣ шесть. Грунтъ земли въ мѣстахъ расположенія поселковъ песчано-глинистый, частію черноземный, и земля, при орошеніи, даетъ богатые урожаи.

Иссыкъ-куль считается вообще весьма глубокимъ озеромъ. Берегъ его мѣстами сразу обрывистый и глубина дна, по разсказамъ, доходитъ до полутороста сажень; мѣстами же, напротивъ, дно только въ разстояніи версты отъ берега понижается на высоту человѣческаго роста. Цвѣтъ воды въ озерѣ зеленоватый; но вода чрезвычайно прозрачна.

Хотя острововъ на озерѣ пѣтъ, однако мелей довольно. На вкусъ вода морская и къ употребленію почти негодная, вслѣдствіе чего какъ киргизы, такъ и русскіе поселенцы называютъ озеро моремъ.

Иссыкъ-куль никогда не замерзаетъ; только заливы и бухты его зимою покрываются льдомъ.

Вслѣдствіе незамерзанія, озеро получило киргизское названіе Иссыкъ-куль и китайское Же-хай. То и другое значитъ Теплое Озеро. У монголовъ и калмыковъ озеро извѣстно подъ именемъ Темурту-норъ,

что значитъ Желѣзистое Озеро. Желѣзистымъ оно названо по большому количеству чернаго шлиха, покрывающаго мѣстами дно озера и выбрасываемаго съ пескомъ на берегъ. Этотъ шлихъ собирается и нынѣ кара-киргизами, которые въ самодѣльныхъ тигляхъ сваривaютъ его, затѣмъ проковываютъ и получаютъ довольно порядочное желѣзо. Кромѣ шлиха, въ озерѣ замѣчается присутствіе многихъ теплыхъ минеральныхъ ключей (желѣзистыхъ), бьющихъ изъ-подъ горныхъ пластовъ. Присутствію этихъ ключей, вѣроятно, и надо приписать причину сравнительно высокой температуры воды и того, что озеро не замерзаетъ зимою.

Озеро чрезвычайно богато рыбою, которая собирается въ несмѣтномъ количествѣ въ бухтахъ и которой кара-киргизы не ловятъ. Русскіе поселенцы пока еще ловятъ ее мало, не имѣя снастей, лодокъ и пр. До сихъ поръ замѣчены только четыре породы крупныхъ рыбъ: сазаны, османы, маринка и чебакъ.

Зима на Иссыкъ-кулѣ бываетъ довольно суровая; она начинается съ ноября и оканчивается въ исходѣ февраля. Снѣгъ выпадаетъ до двухъ аршинъ глубины и въ это время случаются сильныя вьюги. Въ западной части озера, снѣга выпадаетъ гораздо менѣе, почему здѣсь скудная трава изъ-подъ снѣга можетъ быть доставляема скотомъ удобнѣе. Весна на Иссыкъ-кулѣ, лучшее время года, къ сожалѣнію непродолжительна: она скоро смѣняется лѣтомъ. Въ маѣ, іюнѣ, іюлѣ и нерѣдко въ августѣ, жаръ на солнцѣ доходитъ до 40° Р. Дожди и туманы здѣсь весьма часты и продолжительны. При всемъ томъ, вообще климатъ здоровый и пріятный.

XI.

ТОКМАКЪ.

Мѣстоположеніе города.—Климатъ.—Раздѣленіе на части.—Статистическія данныя. — Число зданій. — Число жителей. — Занятія жителей.—Торговля.—Хлѣбопашество.—Почтовый трактъ изъ Токмака въ Караколъ.

Центръ управленія Токмакскимъ уѣздомъ составляетъ городъ Токмакъ, заселенный только въ 1867 году, т. е. съ учрежденіемъ Семирѣченской Области. Городъ расположенъ въ широкой долинѣ рѣки Чу, въ 60-ти верстахъ отъ выхода ея изъ Буамскаго ущелья и верстахъ въ пяти отъ остатковъ бывшаго коканскаго укрѣпленія. Постепенно расширяясь, долина Чу у Токмака доходитъ до сорока верстъ ширины.

Городъ расположенъ на лѣвомъ берегу рѣки, на ровной и даже

низменной мѣстности, поросшей по болотамъ камышами. Эти-то болота и причиняли въ первое время сильную болѣзненность и смертность въ населеніи и въ войскахъ. Теперь, вслѣдствіе выкашиванія и выжиганія камышей и проведенія канавъ для орошенія полей болота осушаются, а вмѣстѣ съ тѣмъ свирѣпствовавшія болѣзни (по преимуществу перемежающіяся лихорадки) мало по малу стали уменьшаться.

Будучи расположенъ въ долинѣ, окруженной съ трехъ сторонъ горами, Токмакъ пользуется теплымъ климатомъ. Зимы здѣсь не суровы, и снѣгъ стоитъ недолго: онъ частію таетъ тотчасъ по выпадѣ, частію сдувается вѣтрами, дующими въ токмакской долинѣ довольно часто. Преобладающіе вѣтры сѣверо-западные.

Благодаря теплому климату, въ Токмакѣ могутъ произрастать многія нѣжныя породы растеній и деревьевъ. Такъ, здѣсь ростетъ въ изобиліи абрикосъ, могутъ рости персики и пріурочивается виноградъ. Тутъ (шелковица) ростетъ изобильно въ дикомъ видѣ.

Городъ первоначально былъ построенъ на открытой мѣстности; сады и вообще деревья поселенцы стали разводить уже сами, чему много содѣйствуютъ малоросы, образующіе большинство токмакскаго населенія. Почти возлѣ каждаго домика есть садикъ и огородъ.

Токмакъ состоитъ изъ слѣдующихъ частей: 1) небольшого четырехугольнаго укрѣпленія, въ которомъ помѣщаются казармы и другія воинскія зданія; 2) изъ собственно города, гдѣ находятся городская площадь и лавки и 3) изъ двухъ слободокъ, изъ которыхъ одна примыкаетъ къ укрѣпленію, а другая къ городу. Слободки населены переселенцами-крестьянами; собственно городъ есть арена купцовъ изъ сартовъ и татаръ. Какъ городъ, такъ и слободки распланированы правильно на широкія и прямыя улицы. Главная площадь (базарная) обсажена кругомъ деревьями и содержится въ большой чистотѣ. Чистота соблюдается также и на улицахъ, и во дворахъ.

Лѣсъ отъ Токмака далеко, верстахъ въ 40—50 къ югу, въ ущельяхъ Александровскаго хребта.

Вотъ причина, почему всѣ дома токмакскіе строились и продолжаютъ строиться изъ сырцоваго кирпича; подвозка лѣса издалека значительно превзошла бы стоимость выдѣлки сырцоваго кирпича.

Плоскія крыши на домахъ камышевыя, заборы частью глиняныя, частью (по преимуществу у малоросовъ) плетневыя. Лознякъ для плетней растетъ на берегахъ Чу и въ горахъ Каракунусъ, составляющихъ предгорія Алатавскаго хребта, ограничивающаго долину съ сѣвера и проходящаго верстахъ въ пятнадцати отъ Токмака.

Число домовъ и другихъ зданій въ Токмакѣ въ настоящее время слѣдующее: одна церковь и одна мечеть; домовъ частныхъ 215; казенныхъ 4; лавокъ 156; всего 377 зданій.

Лавки выстроены въ азіятскомъ вкусѣ, т. е. въ видѣ маленькихъ темныхъ конурокъ, безъ прилавковъ, освѣщаемыхъ только черезъ открытыя двери.

Число жителей Токмака безъ войскъ состоитъ изъ 1,028 душъ мужескаго и 421 души женскаго пола, что даетъ въ итогѣ 1,449 душъ обоего пола.

Изъ этого числа:

	Мужчинъ.	Женщинъ.	Всего.
Русскихъ. . . .	593	361	954
Татаръ	35	20	55
Сартовъ	400	40	440
Итого. .	1,028	421	1,449

Сарты и татары занимаются исключительно торговлею. Товары приспособлены для потребностей киргизовъ и русскихъ крестьянъ, и состоятъ изъ предметовъ первой необходимости. Изъ Кокана и Кашгара провозятся въ Токмакъ: мата, бумажные и полушелковые халаты, тюбетейки (головныя шапочки) платки и пр. Изъ Россіи: дешевые ситцы, желѣзо, мѣдь и чугунъ въ дѣлѣ и не въ дѣлѣ.

Торговля съ туземцами ведется мѣновая на пушной товаръ, скотъ, волосъ, кожи, шерсть и войлоки.

Пушной товаръ весь идетъ въ Россію, а скотъ отправляется частію въ сосѣднія ханства, частію въ Западную Сибирь. Мѣновая торговля на сколько выгодна для сартовъ и татаръ, на столько невыгодна для киргизовъ, которые, не имѣя понятія о цѣнности покупаемыхъ предметовъ, платятъ за нихъ втрое и вчетверо.

Русскіе поселенцы занимаются исключительно хлѣбопашествомъ и огородничествомъ. Благодарная почва вполнѣ обезпечиваетъ трудъ земледѣльца. Урожай пшеницы здѣсь даетъ minimum самъ 12. Кромѣ пшеницы засѣваются ярица, ячмень и овесъ. Проса наши поселенцы не засѣваютъ, а вымѣниваютъ его у киргизовъ, кочующихъ въ окрестностяхъ. Киргизы искони предпочитаютъ воздѣлывать просо на томъ основаніи, что оно даетъ несравненно большіе урожаи и требуетъ меньше труда для обработки земли. Но все засѣваемое потребляется самими жителями.

Въ 1872 году жителями Токмака было засѣяно: пшеницы 346 десятинъ, ярицы 5 десятинъ, ржи 3 десятины, ячменя 3 десятины; овса 173 десятины. Съ земли этой снято: пшеницы 3,806 четвер-

тей, ярицы 48 четвертей, ржи 29 четвертей, ячменя 26 четвертей, овса 3,164 четверти.

Кромѣ означенныхъ сортовъ хлѣба, жители воздѣлываютъ картофель, капусту, лукъ, морковь, рѣпу, рѣдьку, подсолнечникъ, арбузы, дыни, тыквы, огурцы. Поселенцы, имѣя подъ рукою значительныя покосныя мѣста, травосѣяніемъ не занимаются, вслѣдствіе чего сѣно, особенно зимою, стоитъ въ высокой цѣнѣ. Причина, почему не засѣвается здѣсь клеверъ, заключается въ недостаткѣ рабочихъ рукъ, такъ, что заработная плата за земледѣльческій трудъ, во время уборки хлѣба, восходитъ до 60-ти копѣекъ въ сутки.

Травосѣяніемъ и табаководствомъ (табакъ разводится самый простой) занимаются сарты, которые сбываютъ клеверъ (дженушку) проходящимъ караванамъ, а табакъ продаютъ почти исключительно киргизамъ, потребляющимъ его въ видѣ порошка для жеванія.

Скотоводствомъ, какъ отраслью промышлености, жители Токмака не занимаются и держатъ только самое необходимое число скота для домашняго обихода.

Въ 1872 году скота въ Токмакѣ было: лошадей 260 головъ, рогатаго скота 692 головъ, овецъ 213 головъ, верблюдовъ 40 головъ, свиней 164 штуки.

Кромѣ земледѣлія и огородничества, населеніе Токмака подчасъ занимается рыболовствомъ въ рѣкѣ Чу и охотою на звѣрей въ прилегающихъ горахъ и въ камышахъ по рѣкѣ Чу. Изъ рыбъ улавливаются сазаны, сомы, щуки и маринка. Охота производится на тигровъ, кабановъ, дикихъ козъ, горныхъ барановъ, фазановъ и особенно на мараловъ.

Ни заводской, ни ремесленной промышлености въ Токмакѣ пока еще не существуетъ; также не развилась и горнозаводская промышленость, несмотря на то, что въ окрестныхъ горахъ есть мѣдныя и желѣзныя руды и залежи каменнаго угля.

Для образованія крестьянъ, въ 1870 году въ Токмакѣ учреждена школа, въ которой обучаются грамотѣ и закону Божію до 40 мальчиковъ, подъ руководствомъ священника. Помѣщеніе для школы приспособлено въ домѣ священника.

Русское населеніе Токмака, на основаніи существующихъ законоположеній относительно переселенцевъ, пользуется многими льготами: оно избавлено, временно, отъ рекрутской и земской повинностей.

Земскую повинность какъ въ Токмакскомъ, такъ и въ другихъ уѣздахъ Семирѣченской Области несутъ одни киргизы. Ими расчищаются дороги, строятся мосты и пр.

Въ прежнее время, Токмакъ лежалъ на главномъ ташкенто-вѣрненскомъ почтовомъ трактѣ; но, съ упраздненіемъ дороги черезъ Кастекскій перевалъ, Токмакъ очутился въ сторонѣ, оставаясь однако соединеннымъ съ упомянутымъ трактомъ короткою вѣтвью.

Въ прошломъ году эта вѣтвь изъ Токмака протянута далѣе на Караколъ. Токмакско-каракольскій трактъ проходитъ сперва долиною рѣки Чу, затѣмъ по Буамскому ущелью, къ рѣкѣ Кутемалды, впадающей въ озеро Иссыкъ-куль съ запада, и по сѣверному берегу этого озера. У села Преображенскаго, расположеннаго при впаденіи въ озеро рѣки Тюпъ, дорога поворачиваетъ на югъ, и, обогнувъ озеро съ востока, приводитъ въ городъ Караколъ.

Несмотря на свое недавнее устройство, описываемый трактъ находится въ весьма хорошемъ видѣ. Дорога не только на мѣстахъ ровныхъ, но даже и въ гористыхъ, разработана какъ нельзя лучше. Буамскій проходъ, нѣкогда столь страшный, по которому въ былое время съ трудомъ можно было пробираться верхомъ, теперь расчищенъ до такой степени, что безъ всякаго опасенія ѣхать по немъ можно въ какомъ угодно экипажѣ. Дорога по ущелью верстъ на тридцать идетъ карнизомъ, вьющимся надъ быстрою рѣкою Чу по всевозможнымъ направленіямъ. Карнизъ виситъ часто надъ пропастью, такъ что непривыкшему къ горнымъ путешествіямъ приходится испытывать довольно сильныя ощущенія, особенно когда, увѣренный въ себѣ и въ своихъ лошадяхъ, ямщикъ мчитъ васъ въ карьеръ. Тормозить экипажъ нужно только тамъ, гдѣ карнизъ, спускаясь внизъ, въ тоже время круто поворачиваетъ въ сторону.

Черезъ Чу сдѣланы въ ущельѣ два большихъ моста, и кромѣ того построенъ еще одинъ небольшой между ними, черезъ сухой оврагъ. Въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, ущелье разработывалось саперною ротою, находящеюся въ Туркестанскомъ округѣ. Но, несмотря на массу труда, потраченнаго на устройство дороги, послѣдняя, вслѣдствіе особыхъ свойствъ ущелья, требуетъ постоянной поправки, а именно: крутыя щеки ущелья осыпаются, забрасываютъ дорогу щебнемъ и крупными камнями, которые необходимо счищать. Эту послѣднюю работу съ успѣхомъ выполняютъ кара-киргизы, которые занимаются, такъ сказать, поверхностною расчисткою дороги и по всему тракту до Каракола.

Надобно отдать полную справедливость кара-киргизамъ въ томъ, что дорога по всему протяженію отъ Токмака до Каракола (около 300 верстъ) содержится ими въ образцовомъ порядкѣ. Единственное неудобство этого тракта — переправы въ бродъ черезъ горныя

рѣчки. Особенно затруднительны переправы черезъ Чу въ четырехъ верстахъ отъ Токмака, гдѣ рѣка разбивается на множество рукавовъ; затѣмъ черезъ рѣку Кунгей-Аксу, впадающую въ озеро Иссыкъ-куль съ сѣвера, и, наконецъ, черезъ рѣку Джергаланъ, впадающую въ то же озеро съ востока. Переправа черезъ Джергаланъ производится у самаго устья черезъ три рукава, изъ которыхъ средній наиболѣе глубокій. Случаи опрокидыванія экипажей и потери пожитковъ на всѣхъ упомянутыхъ переправахъ нерѣдки, а потому было бы желательно, если бы черезъ названныя рѣки были построены мосты. Чѣмъ скорѣе мосты будутъ сооружены, тѣмъ лучше.

Л. Костенко.

1872 года,
15-го августа.

II.

БИБЛІОГРАФІЯ.

СКАЗАНІЕ НЕЙТРАЛЬНАГО ОЧЕВИДЦА

О ГЕРМАНО-ФРАНЦУЗСКОЙ ВОЙНѢ 1870—1871 ГОДОВЪ.

(Статья третья).

Geschichte des deutsch-französischen Krieges *in den Jahren 1870 und 1871. Nach eigener Beobachtung und nach den besten Quellen bearbeitet von* Carl Abani. *Leipzig, Wien, Teschen. 1871.*

V.

Въ послѣднія десять лѣтъ Мецъ приведенъ былъ въ такое состояніе, что, по мнѣнію Абани, эту крѣпость можно было-бы назвать, въ оборонительномъ смыслѣ, неодолимою, предполагая, конечно, съ гарнизономъ достаточнымъ, боевымъ, обильно снабженнымъ продовольствіемъ и снарядами. Въ смыслѣ наступательномъ, Мецъ, по своему положенію на одномъ изъ важнѣйшихъ комуникаціонныхъ пунктовъ, на соединительной линіи Парижъ-Берлинъ, и на важной рѣчной линіи; по своему малому удаленію отъ границы—что позволяетъ собирать тамъ большія наступательныя силы даже въ томъ случаѣ, когда непріятель подошелъ на близкое разстояніе, и, наконецъ, по своему значительному простору внутри фортовъ, сдѣлался перворазрядною крѣпостію для арміи. Ничто не мѣшало первому правильному, спокойному сбору французскихъ войскъ въ чертѣ дѣйствія Меца, если бы военное начальство, имѣя благо-